

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ ВТОРОЙ

Горящія Зданія

Издание ТРЕТЬЕ

Парфенъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1908

К. Д. Бальмонтъ

П. Журбъ

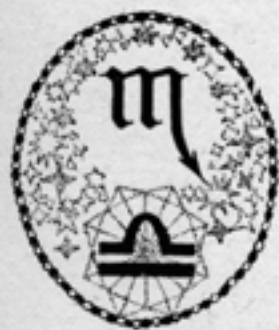
К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ Второй —

Горящія Зданія

Издание третье

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1908 —

МОСКВА — 1908.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНОВА.
Леонтьевский пер., д. 5.

Горяще Зданія

Лирика современной души

Миръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить

Бальмонтъ

1899—Осень

Посвящаю эту книгу рубиновыхъ страницъ

моему другу

С. А. Полякову

съ которыми мы вмѣстѣ ее пережили

Москва, 3 января 1904

К. Бальмонтъ

1. ИЗЬ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1899).

Эта книга почти цѣликомъ написана подъ властю одного настроенія, на долгія недѣли превратившаго мою жизнь въ сказку. Я былъ захваченъ страстью волной, которая увлекла меня, и держала въ плѣну, бросала вверхъ, бросала внизъ, и я не могъ выйти изъ нея, пока самъ не овладѣль ею, понявъ ея сущность.

Я былъ въ замкнутой башнѣ, и видѣль сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотѣль выйти изъ башни, потому что въ человѣкѣ есть неудержимая потребность бѣжать къ мѣсту пожара. Но я не могъ выйти на волю, пока не понялъ самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая въ своей душѣ искусственной любви къ тому, что является теперь современностью, и что въ иныхъ формахъ повторялось неоднократно, я никогда не закрывалъ своего слуха для голосовъ, звучащихъ изъ прошлаго и неизбѣжнаго грядущаго. Я не уклонялся отъ самого себя, и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечетъ къ новымъ берегамъ. Въ этой книгѣ я говорю не только за себя, но и за многихъ другихъ, которые нѣмотствуютъ, не имѣя голоса, а иногда имѣя его, но не желая говорить, нѣмотствуютъ, но чувствуютъ гнетъ роковыхъ противорѣчий, быть-можеть, гораздо сильнѣе, чѣмъ я.

У каждой души есть множество ликовъ, въ каждомъ человѣкѣ скрыто множество людей, и многие изъ этихъ людей, образующихъ одного человѣка, должны быть безжалостно ввергнуты въ огонь. Нужно быть беспощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сдѣлалъ это въ предлагаемой книгѣ,

и, быть-можеть, тѣмъ, кто чувствуетъ созвучно со мной, она помо-
жетъ прийти къ тому внутреннему освобожденію, котораго я достигъ
для себя.

Въ предшествующихъ своихъ книгахъ, *Подъ сѣвернымъ небомъ,*
Въ безбрежности, и *Тишина*, я показалъ, что можетъ сдѣлать
съ русскимъ стихомъ поэтъ, любящій музыку. Въ нихъ есть ритмы
и перезвоны благозвучій, найденные впервые. Но этого недоста-
точно. Это только часть творчества. Пусть же возникнетъ новое.

Въ воздухѣ есть скрытыя теченія, которыхъ пересоздаютъ душу.

Если мои друзья утомились смотрѣть на бѣлые облака, бѣгущія
въ голубыхъ пространствахъ, если мои враги устали слушать звуки
струнныхъ инструментовъ, пусть и тѣ и другіе увидятъ теперь,
умѣю ли я ковать желѣзо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь.

Имѣніе Поляковыхъ, Башки,
Московскаго уѣзда.

2. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1903).

МОИ ВРАГИ.

О, да, ихъ имена суть многи
Чужда имъ музыка мечты.
И такъ они сѣро-убоги,
Что имъ не нужно красоты.

Ихъ дразнить трепетъ скрипки страстной,
И розъ красивыхъ лепестки.
Едва махнешь имъ тканью красной,
Они мятутся, какъ быки.

Зачемъ мы яркихъ красокъ ищемъ,
 Зачемъ у насъ такъ свѣтель взглядъ!
 Нѣть, если вѣжливъ ты, предъ нищимъ
 Скрывай, поэть, что ты богатъ.

Отдай свой духъ мышинымъ войнамъ,
 Забудь о безднѣ голубой.
 Прилично ль быть красиво-стройнымъ,
 Когда уроды предъ тобой!

Подслѣповатыми глазами
 Они косятся на цвѣты.
 Они питаются червями,
 О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянутъ,—
 И въ норы прячутся сейчасъ:
 Вдругъ вовсе видѣть перестанутъ,
 И станутъ дырки вмѣсто глазъ.

Но мнѣ до нихъ какое дѣло,
 Я въ облакахъ моей мечты.
 Съ недостижимаго предѣла
 Роняю любящимъ цвѣты.

Свѣчу и жгу лучомъ горячимъ,
 И всѣмъ красивымъ шлю привѣтъ.
 И я ничто — звѣрямъ незрячимъ,
 Но зрѣнью свѣтлыхъ — я расцвѣтъ!

3. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904).

Какъ странно перебирать старыя бумаги, перелистывать страницы, которыя жили—и погасли для тебя, ихъ написавшаго. Они дороги и чужды, какъ лепестки подаренныхъ увядшихъ цветовъ, какъ письма женщинъ, въ которыхъ ты пробудилъ непонятность, что зовется любовью, какъ выцвѣтшіе портреты отошедшихъ людей. Вотъ, я смотрю на нихъ, и многое въ этомъ старомъ удивляетъ меня новизной. Въ свѣтѣ мгновеній я создавалъ эти слова. Мгновенія всегда единственны. Они слагались въ свою музыку, я былъ ихъ частью, когда они звенѣли. Они отзвенѣли, и навѣки унесли съ собою свою тайну. И я другой, мнѣ перестало быть понятнымъ, что было такъ ярко-постижимо, когда я былъ ихъ созвучной и покорной частью, ихъ соучастникомъ. Я другой, я одинъ, мнѣ осталось лишь нѣсколько золотыхъ песчинокъ изъ сверкашаго потока времени, нѣсколько страстныхъ рубиновъ, и нѣсколько горячихъ испанскихъ гвоздикъ, и нѣсколько красныхъ міровыхъ розъ.

Я живу слишкомъ быстрой жизнью, и не знаю никого, кто такъ любилъ бы мгновенія, какъ я. Я иду, я иду, я ухожу, я менѣяю, и измѣняюсь самъ. Я отдаюсь мгновенію, и оно мнѣ снова и снова открываетъ свѣжія поляны. И вѣчно цвѣтутъ мнѣ новые цветы.

Я откидываюсь отъ разума къ страсти, я опрокидываюсь отъ страстей въ разумъ. Маятникъ влѣво, маятникъ вправо. На циферблать ночей и дней неизбѣжно должно быть движеніе. Но философія мгновенія не есть философія земного маятника. Звонъ мгновенія—когда его любишь какъ я — изъ области надземныхъ звоновъ.

Я отдаюсь міровому, и Міръ входитъ въ меня. Миѣ близки и звѣзы, и волны, и горы. Миѣ близки звѣри и герои. Миѣ близки красивые и некрасивые. Я говорю съ другомъ, а самъ въ это время далеко отъ него, за преградой вѣковъ, гдѣ-то въ древнемъ Римѣ, гдѣ-то въ вѣчной Индіи, гдѣ-то въ той странѣ, чье имя — Майя. Я говорю съ врагомъ, а самъ въ то же время тайно люблю его, хотя бы я говорилъ самыя жесткія слова. О, клянусь, въ тѣ мгновенія когда я—дѣйствительно я, миѣ близки всѣ, миѣ понятно и дорого все. Миѣ понятны вершины, я на нихъ восходилъ, миѣ понятно низкое, я низко падалъ, миѣ понятно и то, что вѣ пре-дѣловъ высокаго и низкаго. Я знаю полную свободу. Безмѣрность можетъ замкнуться въ малое. Песчинка можетъ превратиться въ систему звѣздныхъ міровъ. И слабыми руками будутъ воздвигнуты безмѣрные зданья во имя Красоты. И сгорять города, и сгорять лѣса, а тамъ, гдѣ они шумѣли и молчали, возникнуть новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вѣчная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: богъ покоя и богъ движенія. Я люблю ихъ обоихъ. Но я не долго медлю съ первымъ. Я побыль съ нимъ. Довольно. Я вижу быстрые блестящіе глаза. Магнитъ моей души! Я слышу свистъ вѣтра. Я слышу пѣнье струнъ. Молотъ близъ горновъ. Раскаты міровой музыки. Я отдаюсь міровому. Миѣ страшно. Миѣ сладко. Міръ вошелъ въ меня. Прощай, мое Вчера. Скорѣй къ неизвѣстному Завтра!

K. Бальмонтъ.

3 января. Ночь.
Москва.

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras penas,
mi dormir, siempre velar.

Romance de Moriana.

Мой нарядъ—броневые доспѣхи,
Мое отдохновеніе—гдѣ битва и бѣда,
Моя постель—сурожные утесы,
Мое дремать—не спать никогда.

Старинная Испанская Пѣсня

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

СОНЕТЪ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Сиуетъ ихъ череда

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

Назавтра бой. Поспѣшенье бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спить. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ безопасно уладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышныя шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ОТСВѢТЫ ЗАРЕВА.

А межь тѣмъ огонь безумный
И глухой, и многошумный,
Все горитъ.

Эдгаръ Пе.

Leaping higher, higher, higher.

Е. А. Рое.

I.

КИНЖАЛЬНЫЯ СЛОВА.

I will speak daggers.

Hamlet

Я усталъ отъ иѣжныхъ сновъ,
 Отъ восторговъ этихъ цѣльныхъ
 Гармоническихъ пировъ
 И напѣвовъ колыбельныхъ.
 Я хочу порвать лазурь
 Успокоенныхъ мечтаній.
 Я хочу горящихъ зданій,
 Я хочу кричащихъ бурь!

Упоеніе покоя—
 Усыпленіе ума.
 Пусть же вспыхнетъ море зноя,
 Пусть же въ сердцѣ дрогнетъ тьма.
 Я хочу иныхъ бряцаній
 Для моихъ иныхъ пировъ.
 Я хочу кинжалльныхъ словъ,
 И предсмертныхъ восклицаній!

II.

ПОЛНОЧЬ И СВѢТЬ.

Полночъ и свѣтъ знаютъ свой часъ.
 Полночъ и свѣтъ радуютъ нась.
 Въ сердцѣ моемъ—призрачный свѣтъ.
 Въ сердцѣ моемъ—полночи нѣть.

Вѣтеръ и громъ знаютъ свой путь.
Къ лону земли смытъ прильнуть.
Въ сердцѣ моемъ буря мертвa.
Въ сердцѣ моемъ гаснутъ слова.

Вѣчно ли я буду рабомъ?
Мчитесь ко мнѣ, буря и громъ!
Сердце мое, гибни въ огнѣ!
Полночь и свѣть, будьте во мнѣ!

III.

СЛОВО ЗАВѢТА.

¡Oh hombre! pregunta a los brutos irracionales, que ellos te enseñarán...
Diego de Estella.

О, человѣкъ, спроси звѣрей,
Спроси безжизненные тучи!
Къ пустынямъ водь бѣги скорѣй,
Чтобъ слышать, какъ они пѣвучи!
Бѣги въ огромные лѣса,
Взгляни на сонныя растенья,
Въ чьей нѣжной чашечкѣ оса
Вливаетъ влагу наслажденья!
Имъ вѣдомъ ихъ законъ, имъ чуждо заблужденье.

Зачѣмъ же только ты одинъ
Живешь въ тревогѣ безпримѣрной?
Отъ колыбели до сѣдинъ
Ты каждый день—другой, невѣрный!

Зачемъ сегодня, какъ вчера,
Ты восклицанье безъ отвѣта?
Какъ тѣнь отъ яркаго костра,
Ты въ ночь бѣжишь отъ мѣста свѣта,
И чаша вокругъ тебя безмолвіемъ одѣта.

Проникни силою своей
Въ языкъ безмолвія ночного!
О, человѣкъ, спроси звѣрей
О цѣли странствія земнаго!
Ты каждый день убийцей быль
Своихъ же собственныхъ мечтаній,
Ты духъ изъ тысячи могилъ,—
Живи, какъ звѣрь, безъ колебаній!—
И въ смерти будешь жить, какъ остовъ мощныхъ зданій!

IV.

МОРСКОЙ РАЗБОИННИКЪ.

Есть сѣрая птица морская, съ позорнымъ названьемъ—глупышъ.
Летить она вяло и низко, какъ будто бы спитъ,—но, глядишь,
Нависши уродливымъ тѣломъ надъ быстро сверкнувшей волной,
Она увлекаетъ добычу съ блестящей ея чешуей.
Она увлекаетъ добычу, но дерзокъ, красивъ, и могучъ,
Надъ нея альбатросъ длиннокрылый, покинувъ возвышенность тучъ,
Какъ камень, низринутый съ неба, стремительно падаетъ ницъ,
При громкихъ встревоженныхъ крикахъ окресть пролетающихъ птицъ.
Ударомъ свирѣпаго клюва онъ рыбу швырнетъ въ пустоту,
И, быстрымъ комкомъ промелькнувшіи, изловить ее налету,

И, глупую птицу ограбивъ, онъ крылья расправить свои,
 И виденъ въ его уже клювѣ блестящій отливъ чешуи.—
 Морской и воздушный разбойникъ, тебѣ я слагаю свой стихъ,
 Тебя я люблю за безстыдство пиратскихъ порывовъ твоихъ.
 Вы, глупыя птицы, спѣшите, ловите сверкающихъ рыбъ,
 Чтобъ мѣткимъ захватистымъ клювомъ онъ въ воздухѣ ихъ пересибъ!

V.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ испанецъ, ослѣпленный вѣрой въ Бога и любовью,
 И своею опьяненный и чужою красной кровью,
 Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ,
 Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подъ Сіэрро-Невадой,
 Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
 Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
 Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ, и рубиновъ,
 Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
 Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
 Мной отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И, стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по океанамъ,
 И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
 Чтобы съ жадной быстротою аравійского коня
 Всюду мчаться за врагами подъ багряной вспышкой дня.

И, быть-можеть, черезъ годы, сосчитавъ свои владѣнья,
 Я ихъ самъ же разбросаю, разгоню, какъ привидѣнья,
 Но и въ часть переддремотный, между скаль родимыхъ вновь,
 Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

VI.

КРАСНЫЙ ЦВѢТЬ.

Быть-можеть, предокъ мой былъ честнымъ палачомъ:
 Миѣ маки грезятся, согрѣтые лучомъ,
 Гвоздики алые, и, полныя угрозы,
 Махрово-алчныя, раскрывшіяся розы.
 Я вижу лиліи надъ зыбкою волной:
 Окровавленныя багряною Луной,
 Они, забывъ свой цвѣть, безжизненно-усталый,
 Мерцаютъ сказочно окраской ярко-алой,
 И съ сладкимъ ужасомъ, въ застывшей тишинѣ,
 Какъ губы тянутся, и тянутся ко мнѣ

И кровь поеть во мнѣ... И въ таинствѣ заклятья
 Миѣ шепчутъ призраки: „Скорѣе! Къ намъ въ объятья!
 „Цѣлуй меня... Меня!.. Скорѣй... Меня... Меня!..“
 И губы жадныя, на шабашъ свой маня,
 Лепечутъ страшныя призывныя признанья:
 „Намъ все позволено... Намъ въ мірѣ нѣть изгнанья...
 „Мы всюду встрѣтимся... Мы нужны для тебя...
 „Подъ краснымъ Мѣсяцемъ, огни лучей дробя,
 „Мы объяснимъ тебѣ всѣ бездны наслажденья,
 „Всѣ тайны вѣчности и смерти и рожденья“.

И кровь поетъ во мнѣ. И въ зыбкомъ полуснѣ
 Тѣ звуки съ красками сливаются во мнѣ.
 И близость новаго, и тайного чего-то,
 Какъ пропасть горная, на склонѣ поворота,
 Меня баюкаеть, и вкрадчиво зоветъ,
 Туманомъ огненнымъ окутанъ небосводъ,
 Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ, при видѣ крови,
 Весь міръ откроется, и все въ немъ будетъ вновѣ,
 Смѣются маки мнѣ, произенные лучомъ...
 Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачомъ!

VII.

Я СБРОСИЛЪ ЕЕ.

Я сбросилъ ее съ высоты,
 И чувствовалъ тяжесть паденья.
 Колдунья прекрасная! Ты
 Придешь, но придешь—какъ видѣнье!

Ты мучить не будешь меня,
 А радовать страшной мечтою,
 Созданіе тьмы и огня,
 Съ проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать въ забытьи,
 Въ безумствѣ кошмарнаго пира,
 Румяныя губы твои,
 Кровавыя губы вампира!

И кровь поетъ во мнѣ. И въ зыбкомъ полуснѣ
 Тѣ звуки съ красками сливаются во мнѣ.
 И близость новаго, и тайного чего-то,
 Какъ пропасть горная, на склонѣ поворота,
 Меня баюкаеть, и вкрадчиво зоветь,
 Туманомъ огненнымъ окутанъ небосводъ,
 Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ, при видѣ крови,
 Весь міръ откроется, и все въ немъ будетъ вновѣ,
 Смѣются маки мнѣ, произенные лучомъ...
 Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачомъ!

VII.

Я СБРОСИЛЪ ЕЕ.

Я сбросилъ ее съ высоты,
 И чувствовалъ тяжесть паденья.
 Колдунья прекрасная! Ты
 Придешь, но придешь—какъ видѣнье!

Ты мучить не будешь меня,
 А радовать страшной мечтою,
 Созданіе тьмы и огня,
 Съ проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать въ забытьи,
 Въ безумствѣ кошмарного пира,
 Румяныя губы твои,
 Кровавыя губы вампира!

И если я прежде былъ твой,
Теперь ты мое привидѣнье,
Тебя я страшилъ — живой,
О, тѣнь моего наслажденья!

Лежи искаженнымъ комкомъ,
Обломокъ погибшаго зданья.
Ты больше не будешь врагомъ...
Такъ помни, мой другъ: До свиданья!

VIII.

СКИОЫ.

Мы блаженные сонмы свободно кочующихъ скиеовъ,
Только воля одна намъ превыше всего дорога.
Бросивъ замокъ Ольвийскій съ его изваяньями грифовъ,
Отъ врага укрываясь, мы всюду настигнемъ врага.

Нѣть ни капищъ у насъ, ни боговъ, только зыбкія тучи
Отъ Востока на Западъ молитвенныемъ свѣтять лучомъ.
Только Богу войны темный хворость слагаемъ мы въ кучи,
И вершину тѣхъ кучъ украшаемъ желѣзнымъ мечомъ.

Саранчей мы летимъ, саранчей на чужое нагрянемъ,
И безстрашно насытимъ мы алчныя души свои.
И всегда на врага тетиву безъ ошибки натянемъ,
Напитавши стрѣлу смертоносною желчью змѣи.

Налетимъ, прошумимъ, и врага повлечемъ на арканѣ,
Безъ оглядки стремимся къ другой непочатой странѣ.
Наше счастье — война, наша вѣрная сила — въ колчанѣ,
Наша гордость — въ незнающемъ отдыха быстромъ конѣ.

IX.

ВЪ ГЛУХИЕ ДНИ.

ПРЕДАНІЕ.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
 Во мглѣ Россійской пасмурной страны,
 Толпы людей скиталися безъ крова,
 И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
 Съ свирѣпостью на дольный міръ смотря.
 И вопль протяжный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!“
 Изъ тьмы лѣсовъ стремился до паря.

На улицахъ изсохшіе скелеты
 Щипали жадно чахлую траву,
 Какъ скотъ,—озвѣревы и неодѣты,
 И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
 Живымъ давали смрадный адскій хлѣбъ,
 Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
 И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
 И небеса, таясь межъ тучъ тройныхъ,
 Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
 Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
 Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,

На перекресткахъ, молча, старцы ждали,
Качая посѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрѣвъ комету, дрогнула земля.
И въ эти дни Димитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьевъ свой духъ переселя.

Х.

ОПРИЧНИКИ.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣживали игры,
Чтобы увеличить полчище гробовъ,—

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ
На женъ и дѣвъ ниспосылали срамъ,—

Когда, обливъ шута горячею водою,
Его добилъ ножомъ освирѣгѣвшій царь,—
На небесахъ, своею чередою,
Созвѣздья улыбались какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ случайно,
Я слѣпну въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.
О, если міръ — божественная тайна,
Онъ каждый мигъ — клевещеть на себя!

XI.

СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КРАСНАГО.

ПРЕДАНIE.

Нѣтъ, на Руси бывали чудеса,
Не меньшія, чѣмъ въ отдаленныхъ странахъ.
Къ намъ также благосклонны Небеса,
Есть и для насъ мерцанія въ туманахъ.

Я расскажу о чудѣ старыхъ дней,
Когда, опустошая нивы, долы,
Брываясь въ села шайками тѣней,
Терзали насъ безчинные монголы.

Жилъ въ Галичѣ тогда несчастный князь,
За красоту быль званъ Димитрий Красный.
Незримая межъ нимъ и Небомъ связь
Въ кончинѣ обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха, и сна,
Но никому не сказывалъ кручинь.

Кровь изъ носу безъ устали текла.
Быть пріобщенъ хотѣлъ Святыхъ онъ Таинъ,
Но страшная на немъ печать была:
Вокругъ рта — все кровь, и онъ глядѣлъ — какъ Каинъ.

Толпилися бояре, позабывъ
Себя — предъ ликомъ горькаго злосчастья.
И вотъ ему, молитву сотворивъ,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрій успокоился, притихъ,
Вздохнувъ, заснулъ, и всѣмъ казался мертвымъ.
И нѣкій сонъ, но не изъ сновъ земныхъ,
Виталъ надъ этимъ трупомъ распростертymъ.

Оплакали бояре мертвца,
И крѣпкаго они испивши меда,
На лавкахъ спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвнаго народа.

И вдругъ одинъ бояринъ увидаль,
Какъ, шевельнувъ чуть зrimо волосами,
Мертвецъ, покровъ содвинувъ, тихо всталъ, —
И началъ пѣть съ закрытыми глазами.

И въ ужасѣ, среди полночной тьмы,
Бояре во дворецъ народъ впустили.
А мертвый, стоя, бѣлый, пѣлъ псалмы,
И толковаль значеніе русской были.

Онъ пѣль три дня, не открывая глазъ,
И возвѣстиль грядущую свободу,
И умеръ какъ святой, въ разсвѣтный часъ,
Внушая ужасъ блѣдному народу.

XII.

СКОРПИОНЪ.

СОНЕТЪ.

Я окруженъ огнемъ кольцеобразнымъ,
 Онъ близится, я къ смерти присужденъ, —
 За то, что я родился безобразнымъ,
 За то, что я зловѣштій скорпіонъ.

Мои враги глядять со всѣхъ сторонъ,
 Кошмаромъ роковымъ и неотвязнымъ, —
 Нѣть выхода, я смертью окруженъ,
 Я пламенемъ стѣсненъ, многообразнымъ.

Но вотъ, хоть все ужаснѣй для меня
 Дыханья неотступнаго огня,
 Однимъ порывомъ полонъ я, безбольнымъ.

Я гибну. Пусть. Я вызовъ шлю судьбѣ.
 Я смерть свою нашелъ въ самомъ себѣ.
 Я гибну скорпіономъ — гордымъ, вольнымъ.

XIII.

* * *

Я люблю далекий слѣдъ—отъ весла,
Мнѣ отрадно подойти—вплоть до зла,
И его не совершивъ—посмотрѣть,
Какъ костеръ, вдали, за мной—будеть тлѣть.

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
Пламя зарева со мной—навсегда.
О, мой братъ! Поэтъ и царь—сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ!

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

And seem a saint, when most I play the devil.
King Richard III.

Кажусь святымъ, роль дьявола играя.
Ричардъ Третій.

I.

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

Ангелы опальные,
Свѣтлые, печальные,
Блески погребальные
Тающихъ свѣчей;—
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсвѣты лучей;—
Взоры полусонные,
Нѣжные, влюбленные,
Дымкой окаймленные,
Тонкія черты,—
То мои несмѣлые,
То воздушно-блѣлые,
Сладко онѣмѣлые,
Легкіе цвѣты.

Чувственно-неясныя,
Дѣственno-прекрасныя,
Въ страстиности безстрастныя,
Тайны и слова;—
Шорохъ приближенія,
Радость отраженія,
Нѣжный грѣхъ внушенія,
Дышашій едва;—
Зыбкіе и странные,
Вкрадчиво-туманные,

Въ смѣлости нежданные,
 Проблески огня,—
 То мечты, что встрѣтятся
 Съ тѣми, кѣмъ отмѣтятся,
 И опять засвѣтятся
 Эхомъ для меня!

II.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви, не сказанныя мною,
 Въ моей душѣ горятъ и жгутъ меня.
 О, если бъ ты была рѣчной волною,
 О, если бъ я былъ первой вспышкой дня!
 Чтобы я, скользнувъ чуть видимымъ сіяньюмъ,
 Въ тебя проникъ дробящейся мечтой,—
 Чтобы ты, моимъ блеснувъ очарованьемъ,
 Жила своей подвижной красотой!

III.

ХЛОПЬЯ ТУМАНА.

1.

Можно вздрогнуть отъ звука шаговъ,
 Не изъ чувства обмана,
 А изъ жажды остаться вдвоемъ въ нетревожимъ счастіи сновъ,
 Подъ владычествомъ чары, воздушной, какъ грань облаковъ,
 Можно горько бояться, что свѣтлые хлопья тумана
 Разойдутся—не слившиесь, умрутъ—слишкомъ рано.

2.

О, въ душѣ у меня столько словъ для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3.

Я какъ сонъ предъ тобой, я какъ сонъ голубой,
Задремавшій на синемъ цвѣткѣ.

Я какъ шорохъ весны, я какъ вздохъ тишины,
Какъ тростникъ, наклоненный къ рѣкѣ.

Я какъ легкій ковыль, какъ цвѣточная пыль,
Каждый мигъ и дышу, и дрожу.

Я какъ лѣтняя мгла, что свѣтла и тепла,
И тебѣ все безъ словъ я скажу.

IV.

О П Я Т Ъ.

Я хотѣлъ бы тебя заласкатъ вдохновеніемъ,
Чтобъ мои надъ тобой трепетали мечты,
Какъ стремится ручей мелодическимъ пѣніемъ
Заласкатъ наклонившихся лилій цвѣты,
Чтобы съ каждымъ нахлынувшимъ новымъ мгновеніемъ
Ты шептала: „Опять! Это—ты! Это — ты!“

О, я буду воздушнымъ и нѣжно-внимательнымъ,
Буду вкрадчивымъ,—только не бойся меня,
И къ непознаннымъ снамъ, такъ желанно-желательнымъ,
Мы уйдемъ чрезъ сліяніе ночи и дня,
Чтобъ угаданный свѣтъ былъ какъ будто гадательнымъ,
Чтобъ мы оба зажглись отъ того же огня.

Я тебя обожгу поцѣлуемъ томительнымъ,
 Несказаннымъ—однимъ—поцѣлуемъ мечты,
 И блаженство твое будетъ сладко-медлительнымъ,
 Между ночью и днемъ, у завѣтной черты,
 Чтобъ, закрывши глаза, ты въ восторгѣ мучительномъ
 Прошептала: „Опять! Ахъ, опять! Это—ты!“

V.

СРЕДИ КАМНЕЙ.

Я шель по выжженному краю
 Какихъ-то сказочныхъ дорогъ.
 Я что-то думалъ, чтò, не знаю,
 Но что не думать—я не могъ.

И полумертвыя руины
 Полузабытыхъ городовъ
 Безмолвны были, какъ картины,
 Какъ голосъ памятныхъ годовъ.

Я вспоминалъ, я уклонялся,
 Я измѣнялся каждый мигъ,
 Но ближе-ближе наклонялся
 Ко мнѣ мой собственный двойникъ.

И утомительно мелькали
 Съ полуослѣпшей высоты,
 Изъ тьмы руинъ, изъ яркой дали,
 Неговорящіе цвѣты.

Но на крутомъ внезапномъ склонѣ,
Среди камней, я понялъ вновь,
Что дышеть жизнь въ нѣмомъ затонѣ,
Что есть бессмертная любовь.

VI.

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной —
Только въ одномъ:
Быть какъ цвѣтокъ полусонный
Въ блескѣ и шумѣ дневномъ,
Внутреннимъ свѣтомъ свѣтиться,
Все позабыть, и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающимъ сномъ.

Счастье ночной белладонны —
Лаской убить.
Взоры ея полусонны,
Любо ей день позабыть,
Свѣтомъ луны расцвѣтаться,
Сердцемъ съ луною встрѣтиться,
Тихо подъ вѣтромъ качаться,
Въ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нѣтъ безъ печали
Между цвѣтами—змѣя.

Кто же съ душой утомленной,
 Вспыхнетъ мечтой полусонной
 Кто расцвѣтеть белладонной, —
 Ты или я?

VII.

Я БУДУ ЖДАТЬ.

Я буду ждать тебя мучительно,
 Я буду ждать тебя года,
 Ты манишь сладко-исключительно,
 Ты обѣщаешь навсегда.

Ты вся—безмолвіе несчастія,
 Случайный свѣтъ во мглѣ земной,
 Неизъясненность сладострастія,
 Еще непознанного мной.

Своей усмѣшкой вѣчно-кrotкою,
 Лицомъ всегда склоненнымъ ницъ,
 Своей неровною походкою
 Крылатыхъ, но не ходкихъ птицъ,

Ты будишь чувства тайно-спящія, —
 И знаю, не затмить слеза
 Твои куда-то прочь глядящіе,
 Твои невѣрные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
 Уста къ устамъ, прильнуть ко мнѣ,

Но я не знаю высшей сладости
Какъ быть съ тобой наединѣ.

Не знаю, смерть ли ты нежданная,
Иль нерожденная звѣзда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

VIII.

НѢЖНѢЕ ВСЕГО.

Твой смѣхъ прозвучалъ, серебристый,
Нѣжнѣй, чѣмъ серебряный звонъ,—
Нѣжнѣе, чѣмъ ландышъ душистый,
Когда онъ въ другого влюбленъ.

Нѣжнѣй, чѣмъ признанье во взглядѣ,
Гдѣ счастье желанья зажглось,—
Нѣжнѣе, чѣмъ свѣтлая пряди
Внезапно упавшихъ волость.

Нѣжнѣе, чѣмъ блескъ водоема,
Гдѣ слитное пѣніе струй,—
Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
Чѣмъ первой любви подѣлуй.

Нѣжнѣе того, что желанно
Огнемъ волшества своего,—
Нѣжнѣе, чѣмъ польская панна,
И, значитъ, нѣжнѣе всего.

IX.

ВОЛНА.

Набѣгаешьъ, уходитъ, и снова, свѣтясь, возвращается,
 Улыбается, манить, и плачетъ съ притворной борьбой,
 И украдкой слѣдить, и обманно съ тобою прощается,—
 И мелькаетъ, какъ кружево, пѣна во мглѣ голубой.
 О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
 О, волна подожди! Но отхлынуль прибой.

Серебристыя нити отъ новой луны засвѣчаются,
 Все вольнѣй и воздушнѣй—уплывшему въ даль кораблю.
 И лучистыя волны встрѣчаются, тихо качаются,
 Выростаетъ незримое рабство, я счастливъ, я сплю.
 И смѣется волна: „Я тебя утоплю!
 „Утоплю, потому что безмѣрно люблю!“

X.

ОСЕНЬ.

Вы умрете, стебли травъ,
 Вы вершинами встрѣчались,
 Въ легкомъ вѣтрѣ вы качались,
 Но, блаженства не видавъ,
 Вы умрете, стебли травъ.

Въ рощѣ шелестъ, шорохъ, свистъ
 Тихій, ровный, заглушенный,
 Отдаленно-приближенный

Умираетъ каждый листъ,
Въ рощѣ шелестъ, шорохъ, свистъ.

Сонно падаютъ листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы и осины.
Съ измѣненной высоты
Сонно падаютъ листы.

XI.

ОТЦВѢЛИ.

Отцвѣли—о, давно!—отцвѣли орхидеи, мимозы,
Сновидѣнья нагрѣтыхъ и душныхъ и влажныхъ теплицъ.
И въ пространствѣ, застывшемъ, какъ мертвенный цвѣтъ туберозы,
Чуть скользя очертанья поблекшихъ разлюбленныхъ лицъ.

И блѣднѣютъ, и тонуть въ душѣ, гдѣ развалины дремлють,
Въ этой безднѣ, гдѣ много, гдѣ все пробѣгаешь на мигъ.
Въ переходахъ, гдѣ звукамъ ихъ отзвуки, вторя, не внемлють,
Гдѣ одинъ для меня сохранился немеркнущій ликъ.

Этотъ образъ—въ созвучіи странномъ съ душою мою,
Въ этомъ ликѣ мы оба съ тобою узнаемъ себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смѣю.
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю съ безупречною нѣжностью духа и брата,
Я люблю, какъ звѣзду отдаленная любить звѣзда,
Какъ цвѣтокъ, что еще не растратилъ въ душѣ аромата,
Я съ тобой—я люблю—я съ тобой—разлученъ—навсегда.

XII.

ЗАМОКЪ ДЖЭНЪ ВАЛЬМОРЪ.

ВАЛЛАДА.

1.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ,
 Красавицы надменной,
 Толпятся гости съ давнихъ поръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной:
 Во взоръ ея лишь бросишь взоръ,
 И ты навѣки плѣнныи.

2.

Красивы замки старыхъ лѣтъ.
 Зубцы ихъ сѣрыхъ башенъ,
 Какъ будто лютъ чуть зримый свѣтъ,
 И страненъ онъ и страшенъ,
 Нѣмымъ огнемъ былыхъ побѣдъ
 Ихъ гордый ликъ украшенъ.

3.

Мосты подъемные и рвы,—
 Замкнутыя владѣнья.
 Здѣсь ночью слышенъ крикъ совы,
 Здѣсь бродятъ привидѣнья,
 И страненъ вздохъ сѣдой травы
 Въ часъ луннаго затменья.

4.

Въ стариинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ
 Чуть ночь—звучать баллады.
 Поеть струна, встаетъ укоръ,
 А гдѣ-то—водопады,
 И дологъ гуль окрестныхъ горъ,
 Отвѣтствуютъ громады.

5.

Сегодня день рожденія Джэнъ.
 Часы тяжелымъ боемъ
 Сзываютъ всѣхъ, кто взять ей въ плѣнъ,
 И вотъ проходятъ роемъ
 Красавцы, Гроль, и Ральфъ, и Свенъ,
 По сумрачнымъ покоямъ.

6.

И нѣжныхъ дѣвъ сосѣднихъ горъ
 Здѣсь ярко блещутъ взгляды,
 Эрглэнъ, Линоръ,—и ясень взоръ
 Пышноволосой Ады,—
 Но всѣхъ прекраснѣй Джэнъ Вальморъ,
 Въ честь Джэнъ звучать баллады.

7.

Пѣвучій танецъ заструилъ
 Медлительныя чары.
 Пусть будетъ съ милой кто ей миль,
 И вотъ кружатся пары.
 Но богъ любви движеньемъ крыль
 Сердцамъ готовить кары.

8.

Да, взоръ одинъ на путь измѣнъ
 Всѣхъ манить неустанно.
 Все въ жизни—дымъ, все въ жизни—тлѣнь,
 А въ смерти все туманно.
 Но ради Джэнъ, о, ради Джэнъ,
 И смерть сама желанна.

9.

Быть полночь.—„Полночь!“—Звучный хоръ
 Пропѣль балладу ночи.—
 „Безпечныхъ дней цвѣтной узоръ
 „Быль длиненъ, сталъ короче“.—
 И вотъ у гордой Джэнъ Вальморъ
 Блеснули странно очи.

10.

Въ полночный садъ зоветъ она
 Безумныхъ и влюбленныхъ,
 Тамъ нѣжно царствуетъ луна
 Межъ елей полусонныхъ,
 Тамъ дышеть нѣжно тишина
 Среди цвѣтовъ склоненныхъ.

11.

Они идутъ, и садъ молчитъ,
 Прохлада надъ травою,
 И только здѣсь и тамъ кричить
 Сова надъ головою,
 Да въ замкѣ музыка звучить
 Прощальною мольбою.

12.

Идутъ. Но вдругъ одинъ пропалъ,
 Какъ блѣдное видѣнье,
 Другой холоднымъ камнемъ сталъ,
 А третій—какъ растенье.
 И обнялъ всѣхъ незримый валь
 Волненiemъ измѣненъя.

13.

Подъ желтой дымною луной,
 Въ саду съ травой сѣдою,
 Безумцы пестрой пеленою,
 И разной чередою,
 Одѣлись формою иной
 Предъ дѣвой молодою.

14.

Исчезли Гроль, и Ральфъ, и Свенъ
 Среди растеній сада.
 Къ цвѣтамъ навѣкъ попали въ плѣнъ
 Эрглэнъ, Линоръ, и Ада.
 Въ глазахъ зеленоглазой Джэнъ—
 Змѣиная отрада.

15.

Она одна окружена
 Тѣнями ей убитыхъ.
 Дыханій много пьеть она
 Изъ этихъ травъ излитыхъ.
 Въ ней—осень, ей нужна весна
 Восторговъ ядовитыхъ.

16.

И потому, сплетясь въ узоръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной,
 Томятся души съ давнихъ поръ,
 Толпой навѣки-плѣнной,
 Въ старииномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ,
 Красавицы надменной.

XIII.

ЧАРЫ МѢСЯЦА.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

I.

Между скаль подъ властью мглы,
 Спять усталые орлы.
 Вѣтеръ въ пропасти уснуль,
 Съ моря слышенъ смутный гулъ.

Тамъ, надъ блѣдною водой,
 Глянулъ мѣсяцъ молодой,
 Волны темныя воззваль,
 Въ морѣ вспыхнулъ мертвый валъ.

Въ морѣ вспыхнулъ свѣтлый мостъ,
 Ярко дышать брызги звѣздъ.
 Мѣсяцъ ночь освободилъ,
 Мѣсяцъ море побѣдилъ.

2.

Сводъ небесъ похолодѣлъ,
Мѣсяцъ міромъ овладѣлъ,
Жаднымъ свѣтомъ съ высоты
Тронулъ горные хребты.

Все безмолвно захватилъ,
Вызвалъ духовъ изъ могилъ.
Въ сѣрыхъ башняхъ, вдоль стѣны,
Встали тѣни старины.

Встали тѣни и глядять,
Страненъ ихъ недвижный взглядъ,
Странно небо надъ водой,
Властенъ мѣсяцъ молодой.

3.

Возлѣ башни, у стѣны,
Гдѣ чуть слышенъ шумъ волны,
Отдѣлился въ полумглѣ
Бѣлый призракъ Джамилэ.

Призракъ царственный княжны
Вспомнилъ счастье, вспомнилъ сны,
Все, что было такъ свѣтло,
Что ушло—ушло—ушло.

Тотъ же воздухъ былъ тогда,
Та же блѣдная вода,
Тамъ высоко надъ водой,
Тотъ же мѣсяцъ молодой.

4.

Все слилось тогда въ одно
 Лучезарное звено.
 Какъ-то странно, какъ-то вдругъ,
 Все замкнулось въ яркій кругъ.

Надъ прозрачной мглой земли
 Небеса произнесли,
 Измѣняясь едва,
 Незабвенные слова.

Море пѣло о любви,
 Говоря: „Живи! живи!“
 Но хоть вспыхнулъ въ сердцѣ свѣтъ,
 Отвѣчало сердце: „Нѣтъ!“

5.

Возлѣ башни, въ полумглѣ,
 Плачетъ призракъ Джамилэ.
 Смотрять тѣни вдоль стѣны,
 Свѣтить мѣсяцъ съ вышины.

Все сильнѣй идетъ прибой
 Отъ равнины голубой,
 Отъ долины быстрыхъ водъ,
 Вѣчно мчащихся впередъ.

Волны яркія плывутъ,
 Волны къ счастію зовутъ,
 Вспыхнетъ легкая вода,
 Вспыхнувъ, гаснетъ навсегда.

6.

И еще, еще идутъ,
И одни другихъ не ждутъ.
Каждой данъ одинъ лишь мигъ,
Съ каждой есть волна-двойникъ.

Можно только разъ любить,
Только разъ блаженнымъ быть,
Впить въ себя восторгъ и свѣтъ,—
Только разъ, а больше—нѣть.

Камень падаетъ на дно,
Дважды жить намъ не дано.
Кто-жъ придетъ къ тебѣ во мглѣ,
Бѣлый призракъ Джамилэ?

7.

Вотъ ужъ съ яркою звѣздой
Гаснетъ мѣсяцъ молодой.
Меркнетъ жадный свѣтъ его,
Исчезаетъ колдовство.

Скучнымъ утромъ дышетъ даль,
Старой башнѣ ночи жаль,
Камни сѣрые глядять,
Неподвиженъ мертвый взглядъ.

Вѣтеръ въ пропасти встаетъ,
Пѣсню скучную поеть.
Между скаль, подъ влагой мглы,
Просыпаются орлы.

XIV.

* * *

Можно жить съ закрытыми глазами.
 Не желая въ мірѣ ничего,
 И навѣкъ проститься съ небесами,
 И понять, что все кругомъ мертво.

Можно жить, безмолвно холодѣя,
 Не считая гаснущихъ минутъ,
 Какъ живеть осенний лѣсъ, рѣдѣя,
 Какъ мечты поблекшія живутъ.

Можно все завѣтное покинуть,
 Можно все безслѣдно разлюбить.
 Но нельзя къ минувшему остынуть,
 Но нельзя о прошломъ позабыть!

СОВѢСТЬ.

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles?
Baudelaire.

Я говорю: Стѣнцы! Что нужно имъ отъ Неба?
Бодлэръ.

I.

СУМРАЧНЫЯ ОБЛАСТИ.

Сумрачныя области совѣсти моей,
Чѣмъ же вы освѣтитесь на исходѣ дней,—
Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы ростете медленно, но какъ глыбы тучь,
Вашъ провалъ безмолвія страшень и могучъ,
Вы грозите скрытою гибельностью кручъ.

Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,
Послѣ отысканія новыхъ береговъ,
Наши мысли гонять насть, гонять, какъ враговъ.

Ни минуты отдыха, жизнь къ себѣ зоветъ,
Дышеть глянцевитостью нашъ водоворотъ,
Ни минуты отдыха, дальше, все впередъ.

Чуть мечтой измѣряешь дальниe края,
Вотъ уже испорчена молодость твоя,
Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія.

И душой холодною, полной пустоты,
Въ жаждѣ новыхъ пряностей, новой остроты,
Тянешься, дотянешься до своей черты.

До черты губительной въ безднѣ голубой,
Гдѣ ты вдругъ очутишься—съ призракомъ—съ собой,
Искаженный жадностью, грубый, и слѣпой.

И среди отчаянья, дыма, и тѣней,
Чѣмъ же ты освѣтишься на исходѣ дней?
Горе! Какъ ты встрѣтишься съ совѣстью своей?

II.

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмомъ быки влекутъ тяжелый возъ,
И оставляютъ слѣдъ продольностью колесть,
Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
За нами тянутся, готовя горечь слезъ,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья,—
Они накоплятся, и, рухнувъ, какъ утесь,
Глухими гулами ворвутся къ намъ въ сознанье,
Какъ крикъ раскаянья, какъ вопль воспоминанья.

III.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Стараясь выбирать тѣнистые мѣста,
Я ѿхалъ по лѣсу, и эта красота
Деревьевъ, дремлющихъ въ полуденномъ покоѣ,
Какъ бы недвижимо купающихся въ зноѣ,
Меня баюкала, и въ душу мнѣ проникъ
Дремотныхъ помысловъ мерцающей родникъ.

Я вспомнилъ молодость... Обычныя мгновенья
 Надеждъ, наивности, влюблённости, забвенья,
 Что свѣтить пламенемъ воздушно-голубымъ,
 И превращается внезапно въ черный дымъ.

Зачѣмъ такъ памятно, нѣмою пеленою,
 Видѣнья юности, вы стали предо мною?
 Уйдите. Миѣ нельзя вернуться къ чистотѣ,
 И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
 Вы только призраки, вы горькіе упреки,
 Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
 А я двойникъ себя, я всадникъ на конѣ,
 Безцѣльно ъдущий—куда? Кто скажетъ мнѣ!
 Все помню... Старый садъ... Цвѣты... Чуть дышутъ вѣтки...
 Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
 Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ боли нѣть,
 Съ лицомъ моимъ—увы—моимъ въ шестнадцать лѣтъ.
 Неподражаемо-стыдливая свиданья,
 Любви несознанной огонь и трепетанья,
 Слова, поющія въ душѣ лишь въ тѣ года,
 „Люблю“, „Я твой“, „Твоя“, „Мой милый“, „Навсегда“.
 Какъ сладко вмѣстѣ быть! Какъ страшно сѣсть съ ней рядомъ!
 Какъ можно выразить всю душу быстрымъ взглядомъ!
 О, сказкой ставшая, поблекнувшая быль!
 О, крылья бабочки, съ которыхъ стерлась пыль!

Темнѣй ложится тѣнь, сокрытъ густымъ навѣсомъ
 Родной мой старый садъ, смѣненный дикимъ лѣсомъ.
 Невинный шопотъ сновъ, ты сердцемъ позабыть,
 Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ копыть.
 То голосъ города, то гуль глухихъ страданій,
 Рожденныхъ сумракомъ нѣмыхъ и тяжкихъ зданій.
 То голосъ призраковъ, замученныхъ тобой,
 Кошмаръ, исполненный уродливой борьбой,

Живое кладбище блуждающихъ скелетовъ
 Съ гнилымъ роскошествомъ заученныхъ отвѣтовъ,
 Очагъ, въ чью пасть идуть хлѣба съ кровавыхъ нивъ,
 Гдѣ слабымъ мѣста нѣть, гдѣ силенъ тотъ, кто лживъ.
 Но тамъ есть счастіе—уйти безповоротно,
 Душой своей души, къ тому, что мимолетно,
 Что свѣтить радостью иного бытія,
 Мечтать, искать, и ждать,—какъ сдѣлалъ это я.
 Миѣ грезились міры, рожденные мечтою,
 Я землю осѣнялъ своею красотою,
 Я всѣхъ любилъ, на все склонялъ свой чуткій взоръ,
 Но мракъ ужъ двинулся, и шель ко мнѣ, какъ воръ.

Миѣ стыдно плоскости печальныхъ приключеній,
 Вселенной жаждалъ я, а мой вампирный геній
 Былъ просто женщиной, познавшей лишь одно,
 Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
 Она такъ медленно раскидывала сѣти,
 Мы веселились съ ней, мы были съ ней какъ дѣти,
 Пронизанъ солицемъ былъ ласкающій туманъ,
 И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
 И пьянство дикое, чумной порокъ Россіи,
 Съ непобѣдимостью властительной стихіи,
 Меня низринуло съ лазурной высоты
 Въ провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшать воспоминанья.
 Хочу забыть себя, убить самосознанье.
 Что пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
 Что я случайно былъ и мужемъ, и отцомъ,
 Что хоронилъ дѣтей, что иногда случайно...
 О, нѣть, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
 Умреть въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,

Что было такъ свѣтло Судьбой тебѣ дано.
 Но гдѣ я? Что со мной? вокругъ меня завѣса
 Непроницаемо-запутанного лѣса,
 Повсюду—острые и цѣпкие концы
 Вѣтвей, изогнутыхъ и сжатыхъ, какъ щипцы,
 Они назойливо царапаютъ и ранять,
 Дорогу застять мнѣ, глаза мои туманять,
 Встаютъ преградою смутившемуся дню,
 Ложатся подъ ноги взыгравшему коню.
 Я вижу чудища за ветхими стволами,
 Они слѣдятъ за мной, мигаютъ мнѣ глазами,
 Съ кривой улыбкою.—Послѣдній лучъ исчезъ.
 Враждебнымъ ропотомъ и смѣхомъ полонъ лѣсъ.
 Вершины шорохомъ окутались ростущимъ,
 Какъ бы предчувствіемъ предъ сумрачнымъ грядущимъ.
 И тучи зыбкія, на небѣ голубомъ,
 Съ змѣистой молніей рождаютъ гулъ и громъ.
 Ударъ, еще ударъ, и вотъ вблизи, нальво,
 Исполненъ ярости и мстительного гнѣва,
 Взметнулся огненный пылающій языкъ.
 Въ сухомъ валежникѣ какъ будто чей-то крикъ,
 Глахой и сдавленный, раздался на мгновенье,
 И замеръ. И кругомъ, вездѣ—огонь, шипѣнье,
 Деревьевъ-факеловъ кипящій дымный адъ,
 И бури бѣшеной раскатистый набать.
 Порвавши повода, средь чаднаго тумана,
 Какъ бы охваченный прибоемъ океана,
 Мой конь несетъ меня, и странно-жутко мнѣ
 На этомъ взмыленномъ испуганномъ конѣ.
 Лѣсной пожаръ гудить. Я понялъ предвѣщанье.
 Передъ душой моей вы встали на прощанье,
 О, тѣни прошлаго!—Простите же меня,
 На страшномъ рубежѣ, средь дыма и огня!

IV.

РАЗСВѢТЪ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Я помню... Ночь кончалась,
 Какъ-будто таялъ дымъ.
 И какъ она смѣялась
 Разсвѣтомъ голубымъ.

Безмолвно мы разстались,
 Чужіе навсегда.
 И больше не видались.
 И канули года.

И память измѣняла,
 Тебя я забывалъ.
 Изъ блѣднаго бокала
 Блаженство допивалъ.

И новыми огнями
 Себя я ослѣпилъ.
 И дни ушли за днями,
 И жизнь я вновь любилъ.

Не жизнь, а прозябанье
 Въ позорномъ полуснѣ:
 Я пиль безъ колебанья,
 Искаль мечты въ винѣ.

И вотъ хохочутъ струны,
Безчинствуетъ порокъ,
И всѣ душою юны:
Разсвѣтъ еще далекъ.

Смѣлѣеть опьяненъе,
И сердцу жизнь смѣшина.
Растаяли сомнѣнья,
Исчезла глубина.

И крѣпко спять упреки.
И манять вновь и вновь—
Подкрашенныя щеки,
Поддѣльная любовь.

И мигъ забвенья длится,
И царствуетъ вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущаетъ
Туманностью лица
И молча возвѣщаетъ,
Что правдѣ нѣть конца?

То чудится мнѣ снова,
Въ послѣдній мигъ утѣхъ,
Разсвѣта голубого
Нѣмой холодный смѣхъ.

И пляшущія тѣни
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытыя вдали.

И все, чѣмъ жилъ когда то,
Я снова полюбиль.
Но больше нѣть возврата
Къ тому, чѣмъ прежде былъ.

Зловѣщая старуха,
Судьба глядить въ окно.
И кто-то шепчетъ глухо,
Что я погибъ давно.

V.

ДЫМЪ.

Мы начинаемъ дни свои
Среди цвѣтовъ и мотыльковъ,
Когда прозрачные ручьи
Бѣгутъ межъ узкихъ береговъ.
Мы дѣтство празднуемъ смѣясь,
Подъ небомъ близкимъ и роднымъ,
Мы видимъ пламя каждый часъ,
Мы видимъ свѣтлый дымъ.

И по теченью мы идемъ,
И стаи пестрыя стрекозъ,
Подъ солнцемъ, точно подъ дождемъ,
Свѣваютъ брызги свѣтлыхъ слезъ.

И по теченью мы слѣдимъ
Мельканья косвенныя рыбъ,
И точно легкій темный дымъ,
Подводныхъ травъ изгибъ.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
Закатный часъ еще далекъ.
Быть-можеть—близокъ. Намъ не жаль.
Горить и западъ и востокъ.
И мы простились съ нашимъ днемъ,
И мы, опомнившись глядимъ,
Какъ въ небѣ темноголубомъ
Плыть кровавый дымъ.

VI.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
Во мракѣ, но съ жаждою свѣта.
И ужасъ внезапный объяль ихъ сердца,
Когда дождалися отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
Въ обрывѣ лазури туманной.
И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
Но ужасъ объяль ихъ нежданный.

Какъ тѣни слѣпныя, закрывши глаза,
Сидѣли они, засыпая.
Хоть спали—не спали, имъ снилась гроза,
Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
Не свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:
Все рѣки, безмолвныя рѣки.

На лонѣ ростущихъ чернѣющихъ водъ
Зажегся пожаръ безпредѣльный.
Но спящіе призраки плыли впередъ,
Дорогой прямой и безпредѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвѣца,
Качался въ сверкающемъ дымѣ,
И плыли они безъ конца, безъ конца,
И путь свой свершили—слѣпыми.

VII.

СКРИЖАЛИ.

Мы раздробленныя скрижали.

Случевскій.

Какъ же Міръ не распадется,
Если онъ возникъ случайно?
Какъ же онъ не содрогнется,
Если въ немъ начало—тайна?

Если гдѣ-нибудь, за Міромъ,
Кто-то мудрый Міромъ править,
Отчего жъ мой духъ, вампиromъ,
Сатану поеть и славить?

Смерть свою живымъ питаетъ,
Любить шабашъ преступленья,
И кошмары созидаеть
Въ ликованыи изступленья.

А едва извѣдавъ низость,
И насытившись позоромъ,
Снова вѣрить въ чью-то близость,
Ишетъ свѣта тусклымъ взоромъ.

Такъ мы всѣ идемъ къ чему-то,
Что для насть непостижимо
Дверь завѣтная замкнута,
Мы скользимъ, какъ тѣнь отъ дыма.

Мы отъ всѣхъ путей далеки,
Мы вездѣ найдемъ печали.
Мы—запутанныя строки,
Раздробленныя скрижали.

VIII.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

Змѣй темно-желтый, чье дыханье ядъ,
Чей смертоносенъ вѣчно-жадный взглядъ,
Глядить,—и близъ него дрожитъ блудница,
Волшебная и быстрая, какъ птица.

Онъ мучаетъ, онъ жалить безъ конца,
Цвѣть жизни прогоняетъ онъ съ лица.

Ея душа его душой могуча,
Шатается, качается, какъ туча.

Гаома желтый, выточи копье,
Пронзи мое глухое забытье,
Я, темный, жду, какъ кротъ, во мракѣ роясь,
Тебѣ Маздао далъ плеядный поясъ.

Гаома желтый, чистыхъ мыслей другъ,
Закуй меня въ алмазно-твёрдый кругъ,
Направь свое оружье на блудницу,
Убей скорѣй уклончивую птицу.

Гаома желтый, сильный сынъ Земли,
Моей мольбѣ мучительной внемли,
Я падаю, я падаю, вѣмѣя,
Скорѣй убей чудовищнаго змѣя.

IX.

КОНЕЦЪ МИРА.

СОНЕТЪ.

Начало жизни, это—утро мая,
Ея конецъ—отравленный родникъ.
Предсмертнымъ бурямъ вѣчности внимая,
Духъ человѣка въ ужасѣ поникъ.

Въ устахъ, ко лжи привыкшихъ, сдавленъ крикъ.
Позоръ паденя ярко понимая,
Умъ видить алчныхъ духовъ адскій ликъ.
Тоска—вездѣ—навѣкъ—toska нѣмая.

Могильнымъ блескомъ вспыхнулъ сѣрный зной,
И души, какъ листы цвѣтовъ лѣсные,
Горятъ,—кипить, свистить пожаръ лѣсной.

И сводъ небесь, какъ куполь вырѣзной,
Не звѣздами заискрился впервые,
А гнилостью, насмѣшкой надъ весной.

Х.

ВЪ АДУ.

Если, медленно падая,
Капли жгучей смолы,
Мучителей-демоновъ радуя,
Оттѣняютъ чудовищность мглы,—

Мнѣ всегда представляется,
Будто вновь я живу,
И сердце мое разрывается,
Но впервые—мнѣ все—наяву.

Вижу всю преисподнюю,
Боль ростеть и не ждетъ.
Но славлю я благость Господню!
Это было! Онъ въ адъ снизойдетъ!

Эта мгла—не обманная,
Лжи въ страданіяхъ нѣть.
Привѣтъ новизнѣ! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лѣтъ!

СТРАНА НЕВОЛИ.

Verdugo es mi pensamiento.
Calderon.

Моя мысль—паласть.
Кальдеронъ.

I.

СТРАНА НЕВОЛИ.

Coët-an-die, Coët-an-nôs.
Bois du jour, bois de la nuit.
Villiers.

Я попалъ въ страну Неволи. Ёду ночью,—всюду лѣсъ.
Ёду днемъ,—и сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь небесъ.
Въ ограниченномъ пространствѣ, межъ вершинами и мной,
Лишь летучія свѣтлянки служать солнцемъ и луной.
Промелькнуть, блеснуть, исчезнуть,—и опять зеленый мракъ,
И не знаешь, гдѣ дорога, гдѣ раскрывшійся оврагъ.
Промелькнуть, сверкнуть, погаснуть,—и на мигъ въ душѣ моей,
Точно зовъ, но зовъ загробный, встанетъ память прошлыхъ дней.
И тогда въ узорахъ вѣтокъ ясно вижу предъ собой
Письмена иѣмыхъ проклятій, мнѣ нашептанныхъ Судьбой.
О, безбрежность, неизбѣжность непонятнаго пути!
Если каждый шагъ—ошибка, кто же мнѣ велѣлъ идти?
Развѣ я своею волей въ этомъ сказочномъ лѣсу?
Развѣ я не задыхаюсь, если въ сердцѣ грѣхъ несу?
Развѣ мнѣ не страшно биться между спутанныхъ вѣтвей?
Врагъ? Отклинись! Нѣть отвѣта, нѣть луча душѣ моей.
И своимъ же восклицаньемъ я испуганъ въ горькій мигъ,—
Если кто мнѣ отзовется, это будетъ мой двойникъ.
А во тьмѣ такъ страшно встрѣтить очеркъ блѣднаго лица.
Я попалъ въ страну Неволи...

Нѣть конца.

II.

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

1.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и многое иного.
 Въ этой душѣ создалось первозданное Слово!
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Замыслы встали безмѣрною тучей,
 Нѣжность возникла усладой пѣвучей,
 Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій,
 Вспышки и блески различныхъ огней,—
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Бури проносятся мысли могучей!
 Небо не тамъ,
 Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства.
 Гдѣ создаю я и снова создамъ
 Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
 Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
 Пламенный знакъ моего постоянства.
 Небо—въ душевной моей глубинѣ,
 Тамъ, далеко, еле зrimо, на днѣ.
 Дивно и жутко—йти въ запредѣльность,
 Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть,
 Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.
 Все въ ней слилось въ бесконечную цѣльность,
 Только душѣ я молитвы пою,
 Только одну я люблю безпредѣльность,
 Душу мою!

2.

Но дикій ужасъ преступленія,
Но искаженные черты,—
И это все твои видѣнія,
И это—новый—страшный—ты?

Въ тебѣ рождается величіе,
Ты можешь бурями гремѣть,
Изъ блѣдной бездны безразличія
Извлечь и золото и мѣдь.

Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачѣмъ ты любишь все могильное,
И всюду сѣешь смерть одну?

И въ равнодушіи надменности,
Свой духъ безмѣрно возлюбя,
Ты создаешь оковы плѣнности:
Мечту—рабу самой себя?

Ты—блескъ, ты—гений безконечности,
Въ тебѣ вся пышность бытія.
Но знакъ твой, страшный символъ Вѣчности—
Кольцеобразная змѣя!

Зачѣмъ чудовище—надъ бездною,
И звѣрь въ лѣсу, и дикій вой?
Зачѣмъ міры, съ ихъ славой звѣздною,
Несутся въ пляску гробовой?

3.

Миръ долженъ быть оправданъ весь,
 Чтобы можно было жить!
 Душою тамъ, я сердцемъ—здесь.
 А сердце какъ смирить?
 Я узель долженъ видѣть весь.
 Но какъ распутать нить?

Едва въ лѣсу я сдѣлалъ шагъ,—
 Раздавленъ муравей.
 Я въ мірѣ всѣмъ невольный врагъ,
 Всей жизнью своей.
 И не могу не быть,—никакъ,
 Вплоть до исхода дней.

Мое недѣланье для всѣхъ
 Покажется болынъ.
 Проникновенный тихій смѣхъ
 Развѣется какъ дымъ.
 А буду смѣль,—замучу тѣхъ,
 Кому я былъ роднымъ.

Пустынной полночью зимы
 Я слышу вой волкѣвъ,
 Среди могильной душной тьмы
 Хрипѣніе стариковъ,
 Гнилые хохоты чумы,
 Кровавый бой враговъ.—

Забытый раненый солдатъ,
 И стая хищныхъ птицъ,
 Отца косой на сына взглядъ,

Развратный гулъ столицъ,
Толпы глупцовъ, безумный рядъ
Животно-мерзкихъ лицъ.—

И что же? Я-ли создаль ихъ?
Или они меня?
Поэтъ ли я, сложившій стихъ,
Или побѣгъ отъ пня?
Кто демонъ низостей моихъ
И моего огня?

Отъ этихъ тигровыхъ страстей,
Змѣиныхъ чувствъ и думъ,—
Какъ стукъ кладбищенскихъ костей,
Въ душѣ зловѣштій шумъ,—
И я бѣгу, бѣгу людей,
Среди людей—самумъ.

III.

* * *

Стучи, тебѣ откроютъ. Проси, тебѣ дадутъ.
— О, Боже! Для чего же назначенъ Страшный Судъ?

IV.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Мы лежимъ на холодномъ и грязномъ полу,
Присужденные къ вѣчной тюрьмѣ.
И упорно и долго глядимъ въ полумглу,—
Ничего, ничего въ этой тьмѣ!

Только зыбkie отсвѣты блѣдныхъ лампадъ
Съ потолка устремляются внизъ.
Только длинныя шаткія тѣни дрожать,
Протянулись—качились—слились.

Позабыты своими друзьями, въ странѣ,
Гдѣ лишь варвары, звѣри да ночь,
Мы забыли о солнѣцѣ, звѣздахъ, и лунѣ,
И никто намъ не можетъ помочь.

Насъ томительно стиснули стѣны тюрьмы,
Насъ желѣзное давить кольцо,
И какъ духи чумы, какъ рожденія тьмы,
Мы не видимъ другъ друга въ лицо!

V.

ИЗБРАННЫЙ.

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сынъ солнца, я—поэтъ, сынъ разума, я—царь.
Но предки за спиной, и духъ мой искаженный—
Татуированный своимъ отцомъ дикарь.

Узоры пестрые прорѣзаны глубоко.
Хочу ихъ смыть: нельзя. Умъ шепчетъ: перестань.
И, съ дикимъ бѣшенствомъ, я въ омуты порока
Бросаюсь радостно, какъ хищный звѣрь на лань.

Но, рынку дань отдавъ, его божбѣ и давкамъ,
Я снова чувствую всю близость къ божеству.
Кого-то раздробивъ тяжелымъ томагавкомъ,
Я мной убитаго съ отчаяньемъ зову.

VI.

РАНЕНЫИ.

Я на смерть пораженъ своимъ сознаньемъ,
 Я раненъ въ сердце разумомъ моимъ.
 Я неразрывенъ съ этимъ мірозданьемъ,
 Я создалъ міръ со всѣмъ его страданьемъ.
 Струя огонь, я гибну самъ, какъ дымъ.

И понимая всю обманность чувства,
 Игру тѣней, рожденныхъ въ мірѣ мной,
 Я, какъ поэтъ, постигнувшій искусство,
 Не восхищенъ своею глубиной.

Я сознаю, что грѣхъ, и тьма во взорѣ,
 И топъ болотъ, и синій небосклонъ,
 Есть только мысль, есть призрачное море,
 Я чувствую, что эта жизнь есть сонъ.

Но, видя въ жизни знакъ безбрежной воли,
 Создатель, я созданьемъ не любимъ.
 И, весь дрожа отъ нестерпимой боли,
 Живя у самого себя въ неволѣ,
 Я раненъ на смерть разумомъ моимъ.

VII.

ПРОКЛЯТИЕ ГЛУПОСТИ.

СОНЕТЪ.

Увѣчье, помѣшательство, чахотка,
 Падучая, и бездна всякихъ золь,
 Какъ части міра, я терплю васъ кротко,
 И даже въ васъ я таинство нашелъ.

Для тѣхъ, кто любить чудищъ, все находка,
 Иной среди звѣрей всю жизнь провелъ,
 И какъ для закоснѣлыхъ пьяницъ—водка,
 Въ гармоніи мнѣ дорогъ произволъ.

Люблю я въ мірѣ скрипъ всемірныхъ осей,
 Крикъ коршуна на сумрачномъ откосѣ,
 Дорогъ житейскихъ рѣтвины и гать.

На всемъ своя—для взора—позолота.
 Но мерзокъ сердцу обликъ идіота,
 И глупости я не могу понять!

VIII.

УРОДЫ.

СОНЕТЪ.

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
 Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
 Убогіе рабы, не знавши свободы,
 Ладьи, разбитыя веселостью волны.

И вы мнѣ дороги, мучительные сны,
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И змѣй и ящерицъ отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство, и бѣда,
Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
Во имя Господа, блаженнаго всегда,
Благословляю вѣсть, да будетъ счастье съ вами!

IX.

БАБОЧКА.

Залетѣвшая въ комнату бабочка бьется
О прозрачныя стекла воздушными крыльями.
А за стеклами небо родное смыкается,
И его не достичь никакими усилиями.

Но смириться нельзя, и она не сдается,
Изъ цвѣтистой становится тусклая, блѣдная.
Что же плѣнницѣ дѣлать еще остается?
Только биться и блекнуть! О, жалкая, блѣдная!

Х.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДѢВА.

Въ день октября, иначе листопада,
 Когда бесплодьемъ скована земля,
 Шла дѣва чрезъ пустынныя поля.
 Невѣрная, она съ душой номада
 Соединяла дивно-чуткій слухъ:
 Въ прекрасно-юномъ тѣлѣ ветхій духъ.

Ей внятенъ былъ звукъ вымершихъ проклятій.
 Призывы оттѣсненныхъ враговъ,
 И ропотъ затопленныхъ береговъ,
 Намекъ невоплотившихся зачатій,
 Напѣвъ міровъ, толпящихся окрестъ,
 Дрожанія незасвѣченныхъ звѣздъ.

Но дѣва съ утомленными глазами,
 Внимая всѣмъ, кричащимъ вокругъ нея,
 Лелѣяла безмолвіе свое.
 Понявъ одно за всѣми голосами,
 Безгласно холодѣла, какъ земля,
 И шла впередъ, чрезъ мертвыхъ поля.

XI.

* * *

Сквозь міръ случайностей, къ живому роднику,
Идя по жгучему и гладкому песку,
По тайнымъ лѣстницамъ взираясь къ высотѣ,
Крылатымъ коршуномъ повисши въ пустотѣ,—
Мой духъ измѣнчивый стремится каждый мигъ,
Все ищетъ, молится: „О, гдѣ же мой родникъ?
„Весь міръ случайностей отдасть я за него,
„За оправданіе мечтанья моего,
„За радость впить въ себя огни его лучей,
„За исцѣленіе отъ старости моей“.

ВОЗЛѢ ДЫМА И ОГНЯ.

¿Quién sois vos que hablais así?

—Un compuesto de contrarios.

Tirso de Molina.

Кто ты, чтобы такъ говорить?

— Сложность противорѣчій.

Тирсо де Молина.

I.

КУЗНЕЦЪ.

Ты видала кузнеча?
 Онъ мнѣ нравится, мой другъ.
 Этотъ темный цвѣтъ лица,
 Эта мѣткость жесткихъ рукъ,
 Эта близость оть огня,
 Этотъ молотъ, этотъ стукъ,—
 Все въ немъ радуетъ меня,
 Милый другъ!

Я хочу быть кузнецомъ,
 Я, работая, пою,
 Съ запылившимся лицомъ
 Я смотрю на жизнь мою,
 Возлѣ дыма и огня
 Много словъ я создаю,
 Въ этомъ радость для меня,—
 Я кую!

II.

ВЫШЕ, ВЫШЕ.

Я коснулся душъ чужихъ,
 Точно струнъ, но струнъ моихъ.
 Я въ нихъ чутко всколыхнуль
 Тихій звонъ, забытый гулъ.

Все обычное прогналь,
Легкимъ стономъ простональ,
Бросилъ съ неба имъ цвѣты,
Вызвалъ радугу мечты.

И по облачнымъ путямъ,
Свѣтлымъ преданный страстямъ,
Сочетаньемъ звучныхъ строкъ
За собою ихъ увлекъ.

Трепетаньемъ звонкихъ крылъ
Отуманилъ, опьянилъ,
По обрывамъ ихъ помчалъ,
Забаюкалъ, закачалъ.

Выше, выше, все за мнай,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь въ сѣть мою,
Я пою, пою, пою.

III.

МОЯ ДУША.

Моя душа оазисъ голубой,
Средь блѣдныхъ душъ другихъ людей, безсильныхъ
Роскошный сонъ ниспосланъ мнѣ судьбой,
Среди пустынь, томительныхъ и пыльныхъ.

Вездѣ пески. Свистя, бѣжитъ самумъ.
Лазурь небесъ укрылася въ туманы.
Но слышу я желанный звонъ и шумъ,
Ко мнѣ сквозь мглу подходятъ караваны.

Веселые, раскинулись на мигъ,
Пришли, ушли, до новаго свиданья,
Въ своей душѣ лелеютъ мой двойникъ,
Моей мечты воздушной очертанья.

И вновь одинъ, я вновь живу собой,
Мнѣ снится радость вѣчно-молодая.
Моя душа оазисъ голубой,
Мои мечты цвѣтутъ, не отцвѣтая.

IV.

ДУХЪ ВОЛНЫ.

Я слушалъ море много лѣтъ,
Свой духъ ему предавъ.
Въ моихъ глазахъ мерцаеть свѣтъ
Морскихъ подводныхъ травъ.

Я отдалъ морю сонмы дней,
Я отдалъ ихъ сполна.
И съ каждой пѣсней все слышнѣй
Въ моихъ словахъ—волна.

Волна стозвучная того,
Чѣмъ полонъ Океанъ,
Гдѣ все—и юно, и мертвое,
Все правда и обманъ.

И я, какъ духъ волны морской,
Среди людей брошу.

Своей пъвучею тоской
Я всѣхъ заворожу.

Огнемъ зелено-сѣрыхъ глазъ
Мнѣ чаровать дано.
И много душъ въ завѣтный часъ
Я увлеку на дно.

И въ этой мглѣ морского дна,
Нѣжнѣй, чѣмъ воды рѣкъ,
Имъ будетъ сниться вышина,
Погибшая навѣкъ.

V.

ВЪНЧАНІЕ.

Надъ невѣстой молодою
Я держалъ вѣнецъ.
Любовался, какъ мечтою,
Этой нѣжной красотою,
Этой легкою фатою,
Этимъ свѣтлымъ „Наконецъ!“

Наконецъ она сумѣла
Вызвать лучшій сонъ.
Все смѣялось въ ней и пѣло,
А съ церковнаго придѣла,
Съ высоты на насть глядѣла
Красота нѣмыхъ оконъ.

Мы вошли въ лучахъ привѣта,
 Гаснущей зари.
 Въ мигъ желанного обѣта,
 Насъ ласкали волны свѣта,
 Какъ безгласный звукъ завѣта:
 „Я горю, и ты гори!“

И въ рукѣ у новобрачной
 Теплилась свѣча.
 Но за ней, мечтою мрачной,
 Неумѣстной, неудачной,
 Надъ фатой ея прозрачной,
 Я склонялся у плеча.

Вокругъ святого аналоя
 Трижды путь пройденъ.
 Нѣть, не будетъ вамъ покоя,
 Будутъ дни дождей и зноя,
 Я пою, за вами стоя:
 „Духъ кружиться присужденъ!“

Да, я знаю сладость, алость,
 Нѣжность влажныхъ губъ.
 Но еще вѣрнѣй усталость,
 Ожиданье, запоздалость,
 Вмѣсто страсти—только жалость,
 Вмѣсто ласки—съ трупомъ трупъ.

Вотъ, свершенъ обрядъ вѣнчальный,
 И закать погасъ.
 Точно хаось изначальный,
 Въ церкви сонъ и мракъ печальный.
 Ты вошла съ зарей прощальной,
 Ты выходишь въ темный часъ.

VI.

ВО ВЛАСТИ ВСѢХЪ ВЕЩЕЙ.

Я дѣлаюсь мгновеньями во власти всѣхъ вещей,
И съ каждымъ я, предъ каждымъ я, и царственno ничей.

Восторгъ придетъ, — и пьяный я. Придетъ тяжелый трудъ.
Смотрите: всѣ бѣжали прочь. Взгляни: я, вѣрный, тутъ.

Заблудшую собаку я увижу предъ собой,
Со звѣремъ звѣрь, люблю ее. Но, сердце, дальше! Пой!

О, пой о всѣхъ, кто чувствовалъ бездонную тоску,
И вдругъ вернись къ безстрастію, какъ свѣтлый дождь въ рѣку.

Въ великое Безликое уди какъ бы навѣкъ,
Хотя безъ насъ тамъ каждый часъ такъ много-много рѣкъ.

И, вѣчно твой, всегда съ тобой, не измѣню судьбѣ.
Но въ страшный мигъ, о, милый другъ, я не приду къ тебѣ.

VII.

БРЕТАНЬ.

СОНЕТЬ.

Затянутъ мглой свинцовый небосводъ,
Угрюмы волны призрачной Бretани.
Семь острововъ Аръ-Гентилесь-Руссотъ,
Какъ звѣри, притаилися въ туманѣ.

Они какъ бы подвижны въ Океанѣ,
По прихоти всегда невѣрныхъ водъ.
И, полный изумленья, въ видѣ дани,
На нихъ свой свѣтъ неясный мѣсяцъ леть.

Какъ сонмы лицъ, глядятъ толпы утесовъ,
Сѣдыхъ, застывшихъ въ горечи тоски.
Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ матросовъ.
Они идутъ. Гляди! Въ тиши ночной
Идуть туманы блѣдной пеленой.

VIII.

УТОПЛЕННИКИ.

СОНЕТЪ.

Лишь только тамъ, на западѣ, въ туманѣ,
Утонетъ свѣтъ поблекнувшаго дня,
Мои мечты, какъ мертвые въ Бретани,
Неумолимо бродятъ вкругъ меня.

Надежды, осужденныя заранѣ,
Признанія, умершія—стеня,
Утопленники въ темномъ Океанѣ,
Погибшіе навѣкъ изъ-за меня.

Они хотятъ, въ забвеніе обиды,
Молитвъ заупокойной панихиды.
Моихъ молитвъ, о, Боже, не отринь!—

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
 Ты медлишь? Угрожаешь мнѣ? Пророчишь?
 Будь проклята! Будь проклята! Амины!

IX.

ПРОПОВѢДНИК АМЪ.

СОНЕТЪ.

Есть много струй въ подлунномъ этомъ мірѣ,
 Ключи поютъ въ пещерахъ, гдѣ темно,
 Звения, какъ духъ, на семиструнной лирѣ,
 О томъ, что духамъ пѣнье суждено.

Намъ въ звонахъ наслажденіе одно,
 Мы духи струнъ мірскихъ на шумномъ пирѣ,
 Но вамъ, врагамъ, понять насть не дано,
 Для рѣкъ въ разливѣ надо русла шире.

Жрецы элементарныхъ теоремъ,
 Проповѣдей вы ждете отъ поэта?
 Я проповѣдь скажу на благо свѣта,—

Не скучай словъ, давно известныхъ всѣмъ,
 А звучной полногласностью сонета,
 Не найденной пока еще никѣмъ!

Х.

ХВАЛА СОНЕТУ.

СОНЕТЬ.

Люблю тебя, законченность сонета,
 Съ надменною твою красотой,
 Какъ правильную четкость силуэта
 Красавицы изысканно-простой,

Чей станъ воздушный, съ грудью молодой,
 Хранить сиянье матоваго свѣта,
 Въ волнѣ волось недвижно-золотой,
 Чьей пышнотью она полуодѣта.

Да, истинный сонетъ таковъ, какъ ты,
 Пластическая радость красоты,—
 Но иногда онъ мстить своимъ напѣвомъ.

И не однажды въ сердце поражаль
 Сонетъ несущій смерть, горящій гиѣвомъ,
 Холодный, острый, мѣткій, какъ кинжалъ.

XI.

Я НЕ ИЗЪ ТѢХЪ.

СОНЕТЬ.

Я не изъ тѣхъ, чье имя легіонъ,
 Я не изъ царства духовъ безъимянныхъ.
 Пройдя пути среди равнинъ туманныхъ,
 Я увидалъ безбрежный небосклонъ.

Въ моихъ зрачкахъ—лишь мнѣ понятный сонъ,
 Въ нихъ міръ видѣній зыбкихъ и обманыхъ,
 Такихъ же безъ конца непостоянныхъ,
 Какъ дымка, что скрываетъ горный склонъ.

Ты думаешь, что въ тающихъ покровахъ
 Застылъ едва одинъ-другой утесь?
 Гляди: покровъ раскрыть дыханьемъ грозъ.

И въ цѣпи горъ, для глаза вѣчно-новыхъ,
 Какъ глетчеръ, я снѣга туда вознесъ,
 Откуда видень міръ въ своихъ основахъ!

XII.

ОЖЕСТОЧЕННОМУ.

Я знаю ненависть, и, можетъ-быть, сильней,
 Чѣмъ можетъ знать ее твоя душа больная,
 Несправедливая, и полна огней
 Тобою брошенаго рая.

Я знаю ненависть къ звѣриному, къ страстямъ
 Слѣпой замкнутости, къ судьбѣ неправосудной,
 И къ этимъ тлѣющимъ кладбищенскимъ костямъ,
 Намъ даннымъ въ нашей жизни скучной.

Но, мучимый какъ ты, терзаемый года,
 Я связанъ былъ съ тобой безмолвнымъ договоромъ,
 И вижу, ты забылъ, что братъ твой былъ всегда
 Скорѣй разбойникомъ, чѣмъ воромъ.

Съ врагами—дерзкій врагъ, съ тобой—я вѣчно твой,
 Я узнаю друзей въ одеждѣ запыленной.
 А ты, какъ леопардъ, укушеннный змѣй,
 Своихъ терзаешь, изступленный!

XIII.

ВЪ БАШНѢ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
 Я замкнулся навсегда,
 Дни бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
 Бозникаютъ города,
 Замки, башни, и надъ ними
 Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
 Дни окончиться должны,
 Окна радостно-цвѣтные
 Безъ конца внушаютъ сны,
 Эти стекла расписныя
 Мне самой Судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ двѣ тѣни
 Обнимаются, любя,
 Какъ, упавши на колѣни,
 Кто-то молится, скорбя,
 Въ нихъ я вижу въ быстрой смѣнѣ
 Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
 Съ непочатой вышины,

Съ врагами—дерзкій врагъ, съ тобой—я вѣчно твой,
 Я узнаю друзей въ одаждѣ запыленной.
 А ты, какъ леопардъ, укушенній змѣй,
 Своихъ терзаешь, изступленный!

XIII.

ВЪ БАШНѢ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
 Я замкнулся навсегда,
 Дни бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
 Бозникаютъ города,
 Замки, башни, и надъ ними
 Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
 Дни окончиться должны,
 Окна радостно-цвѣтные
 Безъ конца внушаютъ сны,
 Эти стекла расписныя
 Мне самой Судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ двѣ тѣни
 Обнимаются, любя,
 Какъ, упавши на колѣни,
 Кто-то молится, скорбя,
 Въ нихъ я вижу въ быстрой смѣнѣ
 Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
 Съ непочатой вышины,

Смотреть огненное око
Неба, солнца, и луны,
Но окно мое высоко,
То, что мнѣ внушиаетъ сны.

То, межъ окнами цвѣтными,
На которое смотрю,
Въ часъ когда, какъ въ свѣтломъ дымѣ,
Я привѣтствую зарю,
И съ видѣньями родными
Легкой грезой говорю.

На другія обращаю
Въ часъ заката жадный взоръ,
Въ часъ, когда уходить къ раю
Тихій вечеръ на дозоръ,
И лепечетъ: „Обѣщаю,
„Вновь увидишь мой уборъ“.

На другія я съ отрадой
Устремляю ночью взглядъ,
Въ часъ когда живеть прохладой,
Полный вздоховъ, сонный садъ,
И за призрачной оградой
Свѣтляки межъ травъ горятъ.

Такъ живу, какъ въ свѣтломъ дымѣ
Огнецвѣтные цвѣты,
Надъ ошибками земными
Посмѣваясь съ высоты,
Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
Переливчатой мечты.

XIV.

КЪ ДАЛЬНЕМУ.

Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею,
 Я знаю этотъ сонъ, мой дальний братъ,
 Я медленно, но вѣрно холодью,
 И, разъ уйдя, я не приду назадъ.

Ты отошелъ въ страну безъ перемѣны,
 Оставивши безвольно міръ земной,
 А я себѣ свободно создалъ стѣны,
 И упоенъ тюремной тишиной.

Есть въ жизни смерть, спокойная, какъ травы,
 Хранимыя, на память, за стекломъ,
 Изсохшій знакъ утраченной забавы,
 Пройденная эпоха, переломъ.

Сѣдя тѣсно сжатыя видѣнья
 До времени съ землей разлучены,
 Они забыть не могутъ наслажденье,
 И тайно дышутъ запахомъ весны.

Ихъ кто-то чуждый взялъ своей рукою,
 И все жь они блаженствуютъ года.
 Такъ какъ же счастливъ я съ моей тоскою,
 Полюбленной свободно—навсегда!

XV.

ОТЪ УМЕРШАГО КЪ ЖИВОМУ.

Скажи ему, что я его люблю,
 Что я его какъ прежде понимаю,
 И, какъ корабль къ чужому кораблю,
 Взываю въ часъ, когда я погибаю,—

Къ нему, къ нему, далекому навѣкъ,
 Бѣгущему по водамъ Океана,
 Чтобы отдохнуть на устьяхъ мощныхъ рѣкъ,
 Средь стройныхъ мачтъ родного каравана,—

Межъ тѣмъ какъ я, свой образъ измѣнивъ,
 Несоразмѣривъ тяжести влекомой,
 Забывъ, что былъ и я, какъ онъ, красивъ,
 Склоняюсь къ безднѣ жутко-незнакомой,—

И вѣтры безучастные молю
 Протяжностью своихъ предсмертныхъ звоновъ...
 Скажи ему, что я его люблю
 За то, что онъ—не слышалъ этихъ стоновъ!

XVI.

ОСТРОВЪ ВИЛІЭ-ЛЬЯВОЛА.

Гдѣ-то на островѣ Виліэ-Лъявола,
 Души есть, лишь предъ собою преступныя.
 Богомъ забытыя, но недоступныя
 Обѣтованіямъ лживаго Дьявола.

Имъ захотѣлось разрыва гармоніи:
 Цѣли испортить, упиться причинами,
 Розы любя, въ ихъ живомъ благовоніи
 Смертью мѣняющей встать надъ долинами.

Смертью пытующей, въ вѣчномъ теченіи,
 Вѣчною казнью казнить преходящее:
 Все въ отдаленіи, все въ отвлеченіи,
 Ярко одно размыщленье глядящее.

Вѣдаю, вы ко всему прикоснулися,
 Жадныя пчелы, стѣсненные сотами!
 Что же вы тайны своей ужаснулися,
 Вы, окруженные стройными гrotами?

Жизнь разлюбившія, чувствомъ уставшія,
 Что же самимъ вы себѣ прекословите?
 Все усмѣхаясь, какъ что-то понявшія,
 Что жь бесполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
 Свѣтлые духи, съ улыбкой безпечною,
 То улыбаетесь съ Моною Лизою,
 Міръ осуждая съ игрой его вѣчною.

То прошумите вы звуками Шумана,
 Стонами Манфреда, исукротимыми,
 Вновь упадаете, все передумано,
 Снова смѣяетесь надъ снами любимыми.

Кинетесь къ слову, кричите Верлэнами,
 И возвѣщаете сладость молчанія.

Безперемѣнныя за перемѣнами,
Мигъ вы мучительный, безъ окончанія.

Старость возвратная, вѣчность раскаянья,
Для непостижности жертва закланная,
Самосжиганіе, мудрость отчаянья,
Противорѣчіе, правда обманная.

Безъ покровительства Бога и Дьявола,
Вѣчно томитесь вы, снамъ недоступныя,
О, неподкупныя, души преступныя,
Гдѣ-то на островѣ Виллэ-Льявала.

XVII.

ПОСЛЪ БАЛА.

Весь полный розовыхъ и голубыхъ мечтаній,
Овѣянъ душнотью влюблящихъ духовъ,
Весь въ крыльяхъ бабочекъ, въ отливахъ трепетаній
Полуисторгнутыхъ, но замедленныхъ словъ,—

Окутанъ звуками заученныхъ мелодій,
Какъ будто созданныхъ мечтой лишь для того,
Чтобъ убаюканнымъ шептаться на свободѣ,
О томъ, что сладостнѣй и вкрадчивѣй всего,—

Весь воплощенная полуночная чара,
Какъ пиръ среди чумы, манящій съ давнихъ поръ,
Какъ странный вымыселъ безумнаго Эдгара,
Для насъ пропѣвшаго навѣки „Nevermore“,

Нашъ балъ, раскинутый по многошумнымъ заламъ,
 Уже закончилъ ликъ скрытой красоты,
 И чѣмъ то вѣяло холоднымъ и усталымъ
 Съ внезапно дрогнувшей надъ нами высоты.

Да, полночь отошла съ своею пышной свитой
 Проникновеннѣйшихъ мгновеній и часовъ,
 Отъ люстры здѣсь и тамъ упалъ хрусталь разбитый,
 И гулъ извѣнѣ вставалъ враждебныхъ голосовъ.

Измяты, желтизной подернулися лица,
 Крыломъ изломаннымъ дрожали вѣера,
 Въ сердцахъ у всѣхъ была дочитана страница,
 И новый въ окнахъ свѣтъ шепталъ: „Пора! Пора!“

И вдругъ всѣ замерли,—вотъ, скорбно дозвѣтаютъ,
 Стараясь продлить молчанье забытье:
 Такъ утромъ демоны колдуній покидаютъ,
 Сознавши горькое безсиліе свое.

XVIII.

РАЗЛУКА.

СОНЕТЪ.

Разлука ты, разлука,
 Чужая сторона,
 Никто меня не любить,
 Какъ мать-сыра-земля.
 Пѣсни бродяги

Есть люди, присужденные къ скитаньямъ,
 Гдѣ бѣ ни былъ я,—я всѣмъ чужой, всегда.
 Я преданъ перемѣнчивымъ мечтаньямъ,
 Подвижнымъ, какъ текучая вода.

Передо мной мелькают города,
Деревни, села, съ ихъ глухимъ страданьемъ.
Но никогда, о, сердце, никогда
Съ своимъ я не встрѣчался ожиданьемъ.

Разлука! Слѣдъ чужого корабля!
Порывъ волны—къ другой волнѣ, несхожей.
Да, я бродяга, топчущій поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любить, какъ земля!

XIX.

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

Нилой поющею подточенъ яркій стволъ
Еще не выжившій свой полный вѣкъ березы.
На землю ниспровергъ ее не произволь,
Не налетѣвшія прерывистыя грозы.

Она, прекрасная, отмѣчена была,
Рукой сознательной для бытія иного:
Зажечься и горѣть,—блестя, сгорѣть до тла,—
И въ помыслахъ людей тепломъ зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ она зардѣеть и сгоритъ,
Ей нуженъ долгій путь, ей надо исказиться:
Расчетвертована, она измѣнить видъ,
Блестящая кора, изсохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она.
 И соки жиль ея пропустить точно слезы,
 Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
 И огненной листвой одѣлся духъ березы!

Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
 Какъ было ей дано, погибшой, освѣтиться!
 — Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
 И дай мнѣ почернѣть, изсохнуть, исказиться!

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она.
 И соки жиль ея пропастье точно слезы,
 Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
 И огненной листвой одѣлся духъ березы!

Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
 Какъ было ей дано, погибшей, освѣтиться!
 — Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
 И дай мнѣ почернѣть, изсохнуть, исказиться!

МИМОЛЕТНОЕ.

From isle to isle...
Shelley.

Отъ острова къ острову...
Шелли.

I.

ЛѢСНЫЯ ТРАВЫ.

Я люблю лѣсныя травы
 Ароматныя,
 Поцѣлуи и забавы,
 Невозвратныя.

Колокольные призывы,
 Отдаленные,
 Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,
 Полусонныя.

Очертанья лицъ мелькнувшихъ,
 Неизвѣстныя,
 Тѣни сказокъ обманувшихъ,
 Безтѣлесныя.

Все, что манить и обманеть
 Насъ загадкою,
 И навѣки сердце ранить
 Тайной сладкою.

II.

БЛѢДНАЯ ТРАВКА.

Блѣдная травка подъ ветхимъ заборомъ
 Къ жизни проснулась въ предутренній часъ,
 Миру дивясь зеленѣющимъ взоромъ.
 Блѣдная травка, ты радуешь насъ.

Мѣсяцу, воздуху, солнцу, и росамъ
Ты отдаешься, какъ свѣтлой судьбѣ,
Ты ни однимъ не смущишься вопросомъ,
Не задожиши въ безъисходной борьбѣ.

Чуть расцвѣтешь, и уже отцвѣтаешь,
Не доживешь, до начала зимы.
Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
Ты умираешь отраднѣй, чѣмъ мы.

III.

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ солнца? Что за вздоръ!
Нѣть, не вздоръ.
Въ солнцѣ звуки и мечты,
Ароматы и цвѣты
Всѣ слились въ согласный хоръ,
Всѣ сплелись въ одинъ узоръ.

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной,

Нѣжно-свѣтлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что побѣдно расцвѣли
Въ остромъ запахѣ земли.

Солнце свѣтить звонами,
 Листьями зелеными,
 Дышеть вешнимъ пѣньемъ птицъ,
 Дышеть смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:
 Будеть вамъ!
 Не узрѣть вамъ райскихъ вратъ.
 Есть у солнца ароматъ,
 Сладко виатный только намъ,
 Зримый птицамъ и цвѣтамъ!

IV.

ГЛУШЬ.

Лугъ — болото — поле — поле,
 Надъ рѣчонкой ивы.
 Сладко дышется на волѣ,
 Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь иѣжитъ глазъ и ухо
 Ласкою веселой.
 Прожужжала гдѣ-то муха,
 Шмель гудить тяжелый.

Всюду—божія коровки,
 Розовыя кашки,
 Желто-блѣдныя головки
 Полевой ромашки.

Нѣжно-тонки очертанья
 Задремавшей дали...
 Полно, развѣ есть страданья?
 Развѣ есть печали?

V.

ЗАТОНЪ.

Когда ты заглянешь въ прозрачныя воды затона,
 Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
 Невнятный намекъ на призывъ колокольного звона
 Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
 Испуганнымъ взоромъ замѣтишь межъ ними себя,
 И въ сердцѣ твоемъ за страницею вспыхнетъ страница,
 Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорбя, не любя.

И будутъ рости ото дна до поверхности влаги
 Узоры упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
 И будутъ рости и мѣняться,—какъ призраки саги
 Ростуть, измѣняясь въ значеніи и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуетъ и манить,
 Что тайною чарой исходитъ съ далекихъ планетъ,
 Тебя въ сочетанья свои завлечеть—и обманеть,
 И сердце забудеть, что съ ними сліянія нѣть.

Ты руку невольно протянешь надъ соннымъ затономъ,
 И вмигъ все безслѣдно исчезнетъ,—и только вдали,
 Съ чуть слышной мольбою, съ какимъ-то заоблачнымъ звономъ,
 Незримо порвется струна отъ небесъ до земли.

VI.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Прорѣзавъ тучу, темную, какъ дымъ,
 Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
 Горить угрюмо,—онъ, что былъ живымъ
     Когда-то!

Тѣсниной смутныхъ горъ враждебно сжата,
 Одна долина свѣтомъ золотымъ
 Еще живеть блистательно-богата.

Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
 Гдѣ нѣть ни травъ, ни сновъ, ни аромата.
 — О, да я помню! Да! я былъ живымъ,
     Когда-то!

VII.

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратные!
 Повисли гирляндами облака просвѣтленныя.
 Равнины туманятся, и лѣса необъятныя,
 Какъ-будто не жившіе, навсегда утомленные.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
 На долы печальные, на селенія бѣдныя,
 Глядять съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ — безвѣстныя,
 Поникшія, скорбныя, безотвѣтныя, блѣдныя!

VIII.

РАВНИНА.

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Лѣса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скучные поля.

Полгода—холодъ безпощадный,
Полгода—дождь и душный зной,
Расцвѣтъ природы безотрадной
Съ ея убогою весной.

Полупогаснувшіе взоры
Навѣкъ поблекшаго лица,
Неизреченные укоры,
Порабощенность безъ конца.

Невоплощенныя зачатья,—
О, трижды скорбная страна,
Твое название—проклятье,
Ты навсегда осуждена.

IX.

МОЛЕБЕНЬ.

Темной толпою, въ часовнѣ убогой,
Путь завершивъ, и предъ новой дорогой,
Суетность нашу забывъ на мгновенье,
Тупо мы слушаемъ сонное пѣнье.

Въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ духъ нашъ взростилъ
Тайное древо невидимыхъ силъ,
Таеть взыхающій дымъ отъ кадилъ.

Что-то есть страшное въ этихъ бряцаньяхъ,
Въ этихъ покорныхъ глухихъ восклицаньяхъ,
Молятся звуки и души послушно,
Что же имъ въ узкой часовнѣ такъ душно?

Явственно чувствуя горькій упрекъ,
Въ звуки молитвъ проскользнувшій намекъ —
Тайное слышащихъ, дышащихъ строкъ.

Въ потныя стекла не видно лазури,
Въ дверь не проникнуть ни вѣтры, ни бури,
Силою дней закопчены иконы,
Вѣчны предъ ними безсильные стоны.

Грустно склонивши морщинистый лобъ,
Что-то вѣщаешь намъ загнанный попъ:
„Жизнь наша — душная — темная... — Гробъ!“

Х.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ.

Узкая полоска синяго Лимана,
Желтая пустыня выжженыхъ песковъ.
Городъ, измѣненный дымкою тумана,
Медленныя тѣни бѣлыхъ облаковъ.

Чахлая трава, измученная зноемъ,
Вдоль прямой дороги сѣрые столбы.
Все здѣсь дышетъ скучнымъ тягостнымъ покоемъ,
Всюду здѣсь недвижность пасмурной судьбы.

Только вѣчный вѣтеръ носится безцѣльно,
Душнымъ дуновеньемъ, духомъ мертвца.
Только облака проходятъ безпредѣльно,
Скучною толпой проходить безъ конца.

XI.

ВОСПОМИНАНИЕ

О ВЕЧЕРѢ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

О, тихій Амстердамъ,
Съ пѣвучимъ перезвономъ
Старинныхъ колоколенъ!
Зачѣмъ я здѣсь, — не тамъ,
Зачѣмъ уйти не воленъ,
О, тихій Амстердамъ,
Къ твоимъ церковнымъ звонамъ,
Къ твоимъ, какъ бы усталымъ,
Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
Загрезившимъ каналамъ,
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ,
И ласковымъ, и алымъ,
Горячимъ здѣсь и тамъ,
По этимъ соннымъ водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ

Чахлая трава, измученная зноемъ,
Вдоль прямой дороги сѣрые столбы.
Все здѣсь дышетъ скучнымъ тягостнымъ покоемъ,
Всюду здѣсь недвижность пасмурной судьбы.

Только вѣчный вѣтеръ носится безцѣльно,
Душнымъ дуновенiemъ, духомъ мертвца.
Только облака проходятъ безпредѣльно,
Скучною толпой проходить безъ конца.

XI.

ВОСПОМИНАНИЕ

О ВЕЧЕРѢ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

О, тихій Амстердамъ,
Съ пѣвучимъ перезвономъ
Старинныхъ колоколень!
Зачѣмъ я здѣсь, — не тамъ,
Зачѣмъ уйти не воленъ,
О, тихій Амстердамъ,
Къ твоимъ церковнымъ звонамъ,
Къ твоимъ, какъ бы усталымъ,
Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
Загрезившимъ каналамъ,
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ,
И ласковымъ, и алымъ,
Горячимъ здѣсь и тамъ,
По этимъ соннымъ водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ

Домовъ и колоколенъ,
Гдѣ, преданный мечтамъ,
Какой-то призракъ боленъ,
Упрекъ сдержать не воленъ,
Тоскуеть съ долгимъ стономъ,
И вѣчнымъ перезвономъ
Поеть и здѣсь и тамъ...
О, тихій Амстердамъ!
О, тихій Амстердамъ!

XII.

ИСЛАНДІЯ.

Валуны, и равнины, залитыя лавой,
Сонмы глетчеровъ, брызги горячихъ ключей.
Скалы, полныя грусти своей величавой,
Убѣленныя холдомъ блѣдныхъ лучей.

Тѣни чахлыхъ деревьевъ, и море... О, море!
Волны, пѣна, и чайки, пустыня воды!
Здѣсь забытые скальды, на влажномъ просторѣ,
Пѣли пѣсни при свѣтѣ вечерней звѣзды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
Съ именами желѣзными, духи морей,
Отъ вѣтровъ получили суровыя чары
Для угрюмой томительной пѣсни своей.

И въ строкахъ перепѣвныхъ донинѣ хранится
Ропотъ бури, и громъ, и ворчанье волны,
Въ нихъ кричитъ альбатросъ, длиннокрылая птица,
Изъ воздушной, изъ мертввой, изъ вольной страны.

АНТИФОНЫ.

Je porte dans mon âme le reflet des richesses stériles d'un grand nombre de rois oubliés.

Villiers de l' Isle-Adam.

Я ищу въ своей душѣ отраженіе безплодныхъ богатствъ многочисленныхъ забытыхъ царей.

Вилль де Лиль-Адамъ.

I.

* * *

Намъ нравятся поэты,
Похожіе на нась,
Священные предметы,
Дабы украсить часъ,—

Волшебный часъ величья,
Когда, себя сильнѣй,
Мы цѣнимъ безъ различья
Сверканья всѣхъ огней,—

Цвѣты съ любымъ узоромъ,
Расцвѣты всѣхъ началь,
Лишь только бъ нашимъ взорамъ
Ихъ пламень отвѣчалъ,—

Лишь только бъ съ нашей бурей
Сливался онъ въ одно,
Отъ неба или фурій,—
Не все ли намъ равно!

II.

КЪ ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ.

О, Гермесъ Трисмегистъ, троекратно великий учитель,
Богъ наукъ и искусствъ и души роковой искуситель!

Ты мнѣ передаль власть возрождать то, что сердце забыло,
Какъ Египетъ весной возрожденъ отъ разлитія Нила.

Отъ разлитья рѣки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносять расцвѣтъ не случайный.

Недостойный металль въ благородный могу превращать я,
Отъ тебя воспринявъ драгоценныя чары заклятья.

Отъ тебя получилъ я ту влагу цѣлебную жизни,
Что меня навсегда пріобщаетъ къ небесной отчизнѣ.

И во имя тебя я бессмертіе всѣмъ обѣщаю,
И умершихъ людей я къ загробнымъ мірамъ пріобщаю.

Ты со мною вездѣ и безгласно твердишь о святынѣ,
Какъ глубокій покой задремавшей Ливийской пустыни.

Ты въ вѣнцѣ изъ огня предо мною, о, богъ многоликій,
О, Гермесъ Трисмегистъ, о, мудрецъ троекратно великий!

III.

КЪ БОДЛЭРУ.

Какъ страшно-радостный и близкій мнѣ примѣръ,
Ты все мнѣ чудишься, о, царственный Бодлэръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ, и химеръ!

Ты, павший въ пропасти, но жаждавшій вершинъ,
Ты, видѣвшій лазурь сквозь тяжкій желтый сплинъ,
Ты, между варваровъ заложникъ-властелинъ!

Ты, знаяшій Женщину, какъ демона мечты,
Ты, знаяшій Демона, какъ духа красоты,
Самъ съ женскою душой, самъ властный демонъ ты!

Познавшій таинства мистическихъ ядовъ,
Понявшій образность гигантскихъ городовъ,
Потокъ бурлящійся, рожденный царствомъ льдовъ!

Ты, въ чей богатый духъ навѣкъ перелита
Въ одну симфонію трикратная мечта:
Благоуханія, и звуки, и цвета!

Ты, духъ блуждающій въ разрушеныхъ мірахъ,
Гдѣ привидѣнія другъ въ другѣ будять страхъ,
Ты, черный, призрачный, отверженный монахъ!

Пребудь же призракомъ навѣкъ въ душѣ моей,
Съ тобой дай слиться мнѣ, о, магъ и чародѣй,
Чтобы я безъ ужаса могъ быть среди людей!

IV.

КЪ ЛЕРМОНТОВУ.

Нѣть, не за то тебя я полюбилъ,
Что ты поэтъ и полновластный геній,
Но за тоску, за этотъ страстный пыль
Ни съ кѣмъ нераздѣляемыхъ мученій,
За то, что ты нечеловѣкомъ былъ.

О, Лермонтовъ, презрѣніемъ могучимъ
Къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ страстямъ,
Ты былъ подобенъ молніямъ и тучамъ,
Бѣгущимъ по нетронутымъ путямъ,
Гдѣ только громъ гремитъ псалмомъ пѣвучимъ.

И вижу я, какъ ты въ послѣдній разъ
Бесѣдовалъ съ ничтожными сердцами,
И жесткимъ блескомъ этихъ темныхъ глазъ
Ты говорилъ: „Нѣть, я уже не съ вами!“
Ты говорилъ: „Какъ душно мнѣ средь васъ!“

V.

ГИПЕРБОРЕИ.

За горами Риоейскими, гдѣ-то на сѣверъ отъ Понта,
Въ странахъ мирныхъ и ясныхъ, гдѣ нѣть ни вѣтровъ, ни страстей,
Отъ нескромныхъ укрытыя свѣтлою мглой горизонта,
Существуютъ издревле селенья блаженныхъ людей.

Не бессмертны они, эти люди съ блистающимъ взглядомъ,
Но они непохожи на насть, утомленныхъ грозой,
Эти люди всегда отдаются невиннымъ усладамъ,
И питаются только цвѣтами и свѣжей росой.

Почему имъ однимъ предоставлена яркая слава,
Безмятежность залива, въ которомъ не пѣнится валъ,
Почему неизвѣстна имъ нашихъ мученій отрава,
Этой тайны святой самый мудрый изъ насть не узналь.

Не бессмертны они, эти люди, межъ нами—другіе,
Но помногу вѣковъ предаются они бытію,
И, насытившись жизнью, бросаются въ воды морскія,
Унося въ глубину сокровенную тайну свою.

VI.

СТРАНА ИССЕДОНОВЪ.

Сіе пріятное баснословіе...
Карамзинъ.

На востокъ отъ аргипшевъ,
Тамъ, въ Татаріи Великой,
Змѣй живеть, краса всѣхъ змѣевъ,
Многочудный, многоликій.

Тамъ, безъ тягостныхъ законовъ,
Въ заколдованной долинѣ,
Жило племя исседоновъ,
Говорять, живеть донынѣ.

Судьбы ихъ—гіероглифы,
Край ихъ—золотомъ богатый,
И таинственные грифы
Стерегутъ тотъ край заклятый.

Восемь мѣсяцевъ — цѣлебный
Холодъ дышетъ надъ страною,
И лѣтаетъ змѣй волшебный,
И мерцаеть чешуею.

Кто туда неосторожно
Изъ другой страны заглянетъ,
Тотъ,—преданіе неложно,—
Въ изумлены камнемъ станеть.

Всѣ пути туда закляты,
Возлѣ самаго преддверья
Льды восходять, какъ палаты,
Снѣгъ и градъ, какъ пухъ и перья.

Камни, золото, и холодъ,
Закаленная природа,
И никто ни старъ, ни молодъ,
Неизмѣнно въ годъ изъ года.

Только змѣй въ игрѣ извивовъ,
Золотисто-изумрудный,
Измѣняетъ цвѣтъ отливовъ,
Многоликій, многочудный.

VII.

ИЗБРАННИКУ.

Отчего такъ безплодно въ душѣ у тебя
Замолкаютъ созвучья міровъ?
Отчего, не любя ни другихъ, ни себя,
Ты печалея, какъ пѣсня безъ словъ?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленныхъ небесныхъ глубинъ.
Пробудись и возстань, и воздушную ткань,
Развернувъ, созерцай не одинъ.

О, раскрой передъ нами узоры мечты,
Загорѣвшейся въ сердцѣ твоемъ!
Покажи намъ черты сверхземной красоты,
Мы полюбимъ ее и поймемъ!

Тъ же мысли у каждого дремлють въ тиши,
И мгновенъя завѣтнаго ждутъ.
О, приди, поспѣши, и для каждой души,
Отъ созвучья, цвѣты расцвѣтутъ.

Мы отвѣтимъ какъ море на ласку луны,
А не вражескимъ крикомъ врагу:
Мы какъ брызги волны изъ одной глубины,
Мы умремъ на одномъ берегу.

VIII.

* * *

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Непогибающихъ садовъ.

IX.

ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

ГИМНЪ.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрія. Гаома—богъ Безсмертия,
Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
И Тистрія—молніеносныхъ Бурь.

Тѣ же мысли у каждого дремлють въ тиши,
И мгновенья завѣтнаго ждутъ.
О, приди, поспѣши, и для каждой души,
Отъ созвучья, цвѣты расцвѣтутъ.

Мы отвѣтимъ какъ море на ласку луны,
А не вражескимъ крикомъ врагу:
Мы какъ брызги волнъ изъ одной глубины,
Мы умремъ на одномъ берегу.

VIII.

* * *

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Непогибающихъ садовъ.

IX.

ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

ГИМНЪ.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрія. Гаома—богъ Безсмертья,
Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
И Тистрія—молниеносныхъ Бурь.

Но выше ихъ есть богъ—Агурамазда,
 Онъ создалъ все, въ чёмъ знаніе и жизнь.
 Молитва—дочь его; святое слово—
 Его душа; святое помышленье
 Есть лучъ отъ Солнца правды запредѣльной,
 Есть отзуки сочетаній міровыхъ,
 Проникновенный взглядъ Агурамазды.
 Воздайте же Всевышнему хвалу!
 О, ты, всегда единый въ разныхъ формахъ!
 Пресвѣтлый богъ порядка, Ашаванъ!
 Агура, пышно-царственный правитель!
 Датарь, создатель свѣта, богъ огня!
 Всевидящій, всевѣдущій, Маздао!

Х.

ОТТУДА.

Я обѣщаю вамъ сады.
 Коранъ.

Я обѣщаю вамъ сады,
 Гдѣ поселитесь вы навѣки,
 Гдѣ свѣжесть утренней звѣзды,
 Гдѣ спать неспешущія рѣки.

Я призываю васъ въ страну,
 Гдѣ нѣть печали, ни заката,
 Я посвящу васъ въ тишину,
 Откуда къ бурямъ нѣть возврата.

Я покажу вамъ то, одно,
 Что никогда вамъ не измѣнить,
 Какъ камень, канувшій на дно,
 Верховныхъ волнъ собой не вспѣнить.

Идите вѣсъ на зовъ звѣзды,
Глядите, я горю предъ вами.
Я обѣщаю вамъ сады
Съ неомраченными цвѣтами.

XI.

ЛУНА.

O sovereign mistress of true melancholy.
Shakspeare.

Луна богата силою внушенья,
Вокругъ нея всегда витаетъ тайна.
Она намъ вторить: „Жизнь есть отраженье,
„Но этотъ призракъ дышеть не случайно“.

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
Она ласкаетъ, странно такъ волнуя,
И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
Вліяньемъ рокового поцѣлуя.

Своимъ ущербомъ, смертью двухнедѣльной,
И новымъ· полновластнымъ возсіяньемъ,
Она твердить о грусти не безцѣльной,
О томъ, что свѣтъ насть ждетъ за умираньемъ.

Но насть маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула въ блѣдной дали,
Красавица тоски безперемѣнной,
Верховная владычица печали!

Идите всѣ на зовъ звѣзды,
Глядите, я горю предъ вами.
Я обѣщаю вамъ сады
Съ неомраченными цвѣтами.

XI.

ЛУНА.

O sovereign mistress of true melancholy.
Shakspeare.

Луна богата силою внушенья,
Вокругъ нея всегда витаетъ тайна.
Она намъ вторить: „Жизнь есть отраженье,
„Но этотъ призракъ дышеть не случайно“.

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
Она ласкаетъ, странно такъ волнуя,
И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
Вліяньемъ рокового поцѣлуя.

Своимъ ущербомъ, смертью двухнедѣльной,
И новымъ полновластнымъ воссіянемъ,
Она твердить о грусти не безцѣльной,
О томъ, что свѣтъ насъ ждетъ за умираньемъ.

Но насъ маня надеждой незабвенної,
Сама она уснула въ блѣдной дали,
Красавица тоски безперемѣнной,
Верховная владычица печали!

ХII.

ТУЧИ.

Но разве тучи не рабы?
Служескій.

Нѣть рабства въ мірѣ, если все—одно.
Самъ создаль я неправду міорозданья,
Чтобъ было ей въ грядущемъ суждено,

Пройдя пути измѣны и страданья,
Вернуться вновь къ таинственной чертѣ,
Гдѣ приметъ все иные очертанья,

Гдѣ тѣ же мысли—вотъ, уже не тѣ.
Такъ сѣрые пары, покинувъ травы,
Возносятся къ безмѣрной высотѣ,

Роняютъ тѣнь на долы, на дубравы,
Ихъ свѣтель путь, ихъ манитъ гуль борьбы,
И радугой они предъ міромъ правы.

Нѣть, ты неправъ! Нѣть, тучи не рабы!

XIII.

* * *

Я въ глазахъ у себя затаилъ
 Отраженье сокровищъ чужихъ,
 Красоту позабытыхъ могиль
 И другимъ недосказанный стихъ.

Я въ душѣ у себя отыскаль
 Гармонически бьющій родникъ:
 Этихъ струй уже кто-то алкалъ,
 Но губами онъ къ нимъ не приникъ.

Оттого-то въ словахъ у меня
 Такъ загадочно много огней:
 Я закатъ непогасшаго дня,
 Я потомокъ могучихъ царей.

ПРОГАЛИНЫ.

Wyscie jak przepasci, a w glebiach
waszych tajnie ukryte blekitu.

Zygmunt Krasinsky

Вы какъ пропасти, а въ глубинахъ
вашихъ скрыты тайны лазури.

Зигмунт Красинскій.

I.

ПУТЬ ПРАВДЫ.

СОНЕТЬ.

Пять чувствъ — дорога лжи. Но есть восторгъ экстаза,
Когда намъ истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющаго глаза
Горить узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрѣшенность сна,
Изъ угля чернаго — рожденіе алмаза.
Намъ правда каждый разъ — сверхчувственно дана,
Когда мы вступимъ въ лучъ священнаго экстаза.

Въ душѣ у каждого есть міръ незримыхъ чаръ,
Какъ въ каждомъ деревѣ зеленомъ есть пожаръ,
Еще не вспыхнувшій, но ждущій пробужденья.

Коснись до тайныхъ силъ, шатни тотъ міръ, что спитъ,
И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
Тебя нежданное такъ ярко ослѣпить.

II.

ПАПОРОТНИКЪ.

Тѣнью легкой и неслышной
Я замедлилъ у пути,
Тамъ гдѣ папоротникъ пышный
Долженъ будеть расцвѣсти.

Освященный ножъ доставши,
Очертилъ заклятый кругъ;
Возлѣ скатерть разостлавши,
Жду. Но чу! Шипящій звукъ!

Это дьяволы толпою
Собрались вокругъ меня,
Смотрять, манять за собою,
Брызжутъ искрами огня.

Но безстрастный, безучастный,
Я стою въ своемъ кругу.
Съ этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшенъ ликъ ихъ искаженный,
И сильный горятъ огни.

Но въ груди сдержавъ волненье,
Заклинанья я шепчу,
Жду завѣтнаго мгновенья,
И дождусь, чего хочу.

Сонъ придетъ. Цвѣтокъ волшебный,
Что блестить однажды въ годъ,
Златоцвѣтный и цѣлебный,
На мгновенье расцвѣтеть.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчасъ папоротникъ сонный
Озарить кругомъ траву.

Я пройду толпу видѣній,
Безъ оглядки убѣгу,
И источникъ наслажденій
Возлѣ сердца сберегу.

И навѣки этотъ властный,
Драгоцѣнныи амулетъ
Будеть мнѣ свѣтить какъ ясный,
Но никѣмъ не зримый свѣтъ.

Довѣряясь этой жгучей
И таинственной звѣздѣ,
Я пройду, какъ духъ могучій,
По землѣ и по водѣ.

Мнѣ понятны будутъ строки
Ненаписанныхъ страницъ,
И небесные намеки,
И языкъ звѣрей и птицъ.

Миръ тому, кто не боится
Ослѣпительной мечты,
Для него восторгъ таится,
Для него цвѣтуть цвѣты!

III.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

СОНЕТЬ.

Богъ входить въ существа, какъ солнце сквозь окно,
Когда оно встаетъ за гранью кругозора.
Откроемъ занавѣсь, намъ всѣмъ свѣтить дано,
Быть жгучими, любить, быть частю узора.

Непогасимъ огонь внимательнаго взора,
Неисчерпаемъ блескъ того, что суждено.
Ликъ солнца возстасть въ безличии кругозора,
И весь различный міръ скрѣпляеть онъ въ одно.

Туманы превративъ въ разорванныя тучи,
Токъ огненныхъ полось коснулся вышнихъ горъ,
И въ глубину долинъ, свѣтясь, глядятся кручи.

Тамъ иѣжныи сонъ садовъ, тамъ синий свѣтъ озеръ,
И пробужденья чувствъ, несознанно-могучи,
Сливаютъ шумъ листвы въ одинъ протяжный хоръ.

IV.

И ДА, И НѢТЪ.

1.

И да, и нѣтъ—здѣсь все мое,
Пріемлю боль — какъ благостыню,
Благословляю бытіе,
И если создалъ я пустыню,
Ея величіе — мое!

2.

Весенний шумъ, весенний гуль природы
 Въ моей душѣ звучить не какъ призывъ.
 Среди живыхъ—лишь люди не уроды,
 Лишь человѣкъ хоть частію красивъ.

Онъ можетъ мнѣ сказать живое слово,
 Онъ полонъ безднъ мучительныхъ, какъ я.
 И только въ немъ ежеминутно ново
 Видѣніе земного бытія.

Какое счастье думать, что сознанье,
 Надъ смутой горъ, морей, лѣсовъ и рѣкъ,
 Надъ мчащимся въ безбрежность мірозданье,
 Царить непобѣдимый человѣкъ.

О, вѣро! Мы повсюду бросимъ сѣти,
 Средь міровыхъ неистощимыхъ водъ.
 Предъ будущимъ теперь мы только дѣти.
 Онъ—нашъ, онъ—нашъ, лазурный небосводъ!

3.

Страшны мнѣ звѣри, и черви, и птицы,
 Душу томить мнѣ животный ихъ сонъ.
 Нѣть, я люблю только бѣглость зарницы,
 Вѣтеръ и моря глухой перезвонъ.

Нѣть, я люблю только мертвые горы,
 Листья и вѣчно-нѣмые цвѣты,
 И человѣческой мысли узоры,
 И человѣка родныхъ черты.

4.

Лишь демоны, да гени, да люди,
 Современемъ заполнять всѣ міры,
 И выразить въ неизреченномъ чудѣ
 Весь блескъ еще не снившейся игры,—

Когда, уразумѣвъ себя впервые,
 Съ душой соприкоснутся навсегда
 Четыре полновластныя стихіи:
 Земля, огонь, и воздухъ, и вода.

5.

Отъ блѣднаго листка испуганной осины
 До сказочныхъ планетъ, гдѣ день длиннѣй, чѣмъ вѣкъ,
 Все—тонкіе штрихи законченной картины,
 Все—тайные пути неуловимыхъ рѣкъ.

Всѣ помыслы ума—широкія дороги,
 Всѣ вспышки страстныя—подъемные мосты,
 И какъ бы ни были мы бѣдны и убоги,
 Мы всетаки дойдемъ до нужной высоты.

То будетъ лучшій мигъ безбрежныхъ откровеній,
 Когда, какъ лунный дискъ, прорвавшись сквозь туманъ,
 На насъ изъ хаоса безчисленныхъ явлений
 Вдругъ глянетъ снившийся, но скрытый Океанъ.

И цѣль пути понявъ, счастливые навѣки,
 Мы всѣ благословимъ раздавшуюся тьму,
 И, словно радостно-расширенныя рѣки,
 Своими устьями, любя, прильнемъ къ Нему.

6.

То будетъ таинственный мигъ примиренія,
 Все въ мірѣ восприметъ восторгъ красоты,
 И будетъ для взора не три измѣренія,
 А столько же, сколько есть сновъ у мечты.

То будетъ мистический праздникъ сліянія,
 Всѣ краски, всѣ формы измѣнятся вдругъ,
 Все въ мірѣ восприметъ восторгъ обаянія,
 И воздухъ, и солнце, и звѣзды, и звукъ.

И демоны, встрѣтясь съ забытыми братьями,
 Съ которыми жили когда-то всегда,
 Восторженно встрѣтять другъ друга объятьями,—
 И день не умретъ никогда, никогда!

7.

Будутъ игры безпредѣльныя,
 Въ упоительности цѣльныя,
 Будутъ пѣсни колыбельныя,
 Будемъ въ шутку мы грустить,
 Чтобы съ новымъ упоеніемъ,
 За обманчивымъ мгновеніемъ,
 Снова ткать съ протяжнымъ пѣніемъ
 Переливчатую нить.

Нить мечтанья безконечнаго,
 Безпечальнаго, беспечнаго,
 И мгновеннаго и вѣчнаго,
 Будеть вся въ живыхъ огняхъ,

И, какъ призраки влюбленные,
Какъ-то сладко-утомленные,
Мы увидимъ—измѣненные—
Наши лица—въ нашихъ снахъ.

8.

Идеи, образы, изображенья, тѣни,
Вы, внизъ ведущія, но пышныя ступени,—
Какъ змѣй сквозь васъ віясь, я васъ люблю равно,
Чтобъ видѣть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики въ сосудѣ драгоцѣнномъ,
Вдыхаю въ немъ вино, съ его восторгомъ плѣннымъ,
Ту влагу выпью я, и по златымъ краямъ
Дамъ биться отблескамъ и ликамъ и тѣнямъ.

Вино горитъ сильнѣй—незримое для глаза,
И осушеннная—богаче, ярче ваза.
Я сладко опьяненъ, и, какъ лукавый змѣй,
Покинувъ глубь, всхожу... Еще! Вотъ такъ! Скорѣй!

9.

Я—просвѣтленный, я кажусь собой,
Но я не то,—я островъ голубой:
Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
Онъ издали являетъ цвѣть лазури.

Я—вольный сонъ, я всюду и нигдѣ:
Вода блестить, но развѣ лучъ въ водѣ?
Нѣть, здѣсь свѣти, я гдѣ-то тамъ блистаю,
И тамъ не жду, блесну—и пропадаю.

Я вижу все, вездѣ встаетъ мой ликъ,
Со всѣми я сливаюсь каждый мигъ.
Но вѣтеръ какъ замкнуть въ предѣлахъ зданья?
Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

10.

Звуки и отзуки, чувства и призраки ихъ,
Таинство творчества, только-что созданный стихъ.

Только что срѣзанный свѣжий и влажный цвѣтокъ,
Радость рожденія—этого пѣнія строкъ.

Воды мятежились, буря гремѣла,—но вотъ
Въ водной зеркальности дышетъ опять небосводъ.

Травы обрызганы съ неба упавшимъ дождемъ.
Будемъ же мучиться, въ боли мы тайну найдемъ.

Слава создавшему пѣсню изъ слезъ роковыхъ,
Намъ передавшему звонкій и радостный стихъ!

V.

ЧЕТЬ И НЕЧЕТЬ.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

Утромъ рано,
Изъ тумана,
Солнце выглядитъ для насть.
И освѣтить,
И замѣтить
Всѣхъ, кто любить этотъ часъ.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадает звонъ минутъ.
О минувшемъ,
Обманувшемъ
Ихъ напѣвы намъ поютъ.

Точно съ крыши,
Тише,тише,
Капли падаютъ дождя.
Всѣ прольются,
Не вернутся,
Этотъ темный путь пройдя.

Звукъ неясный,
Безучастный,
Панихиды намъ поетъ.
„Вѣрьте, вѣрьте
„Только смерти!
„Четь и нечетъ! Нечетъ, четъ!“

„Четь счастливымъ
„И красивымъ,
„Слабымъ нечть, недочетъ!
„Но, рѣдъя,
„Холодъя,
„Четь и нечть протечеть!“

Звукъ неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обманъ тая.
Нѣть, не вѣрю,
И въ потерю
Смыслъ иной влагаю я.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадаетъ звонъ минутъ.

О минувшемъ,
Обманувшемъ
Ихъ напѣвы намъ поютъ.

Точно съ крыши,
Тише,тише,
Капли падаютъ дождя.
Всѣ пролыются,
Не вернутся,
Этотъ темный путь пройдя.

Звукъ неясный,
Безучастный,
Панихиды намъ поетъ.
„Вѣрьте, вѣрьте
„Только смерти!
„Четь и нечетъ! Нечетъ, четъ!“

„Четь счастливымъ
„И красивымъ,
„Слабымъ нечть, недочеть!
„Но, рѣдъя,
„Холодъя,
„Четь и нечетъ протечеть!“

Звукъ неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обманъ тая.
Нѣтъ, не вѣрю,
И въ потерю
Смыслъ иной влагаю я.

Върьте, върьте
 Только смерти
 Насъ понявшаго Христа!
 Солнце встанетъ,
 Не обманеть,
 Вѣчно свѣтить красота!

Щѣль страданья,
 Ожиданья,
 Всѣмъ намъ свѣтлый дастъ отчетъ.
 Въ міръ согласный,
 Вѣчно-ясный,
 Четь и нечеть насть влечеть.

ИНДІЙСКІЯ ТРАВЫ.

Tat tvam asi.—То есть ты.
Основоположение Индійской
Мудрости.

Познавший сущность стать выше
печали.
Шри-Шанкара-Ачарія

Ф

Индия моя.

Женя.

Рыбы сплавятся с рекой,
Рыба сплавится с океаном;
Несколько сплав на землю,
К нему пасутся ягненки.
Все сплавляются, все сплавляются погано,
Все сплавляются землю.
О, всему им есть где пристани,
С морем им сплавят не дадут.
Смотрите, уходит к морю ярко,
А идет к берегу сплошь;
Черно, сквозь него вода,
Как образ к солнцу, где Каждый сплав
Испадет мое — морской сокровище,
А землю — Господинский гроб —
Не мне это где сплавлять,
Как не ходить по морю?

I.

МАЙЯ.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтушій въ столѣтіе разъ,
 Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
 Мѣсяцъ за скалы проплылъ и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый юги,
 Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвца,
 Что-то шепталъ, и властительно-строги
 Были черты сверхземного лица.

Мантру читаль онъ, святое моленье;
 Только прочель—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
 Стали качаться, носиться видѣнья,
 Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
 Время, пространство, причина, и цѣль,
 Пышность восторга, и сумракъ потери,
 Смерть на мгновеніе, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
 Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“,
 Мракъ отпаденія отъ вѣчнаго Брамы,
 Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ гуломъ утесь на утесь,
Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для юги,
„Майя—бездушный нѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

II.

КРУГОВОРОТЪ.

Не только люди и герои,
Волненье думъ тая,
Томятся жаждой въ душномъ зноѣ
Земного бытія.
Но даже царственные боги
Несутъ тяжелый плѣнъ,
Всегда витая на порогѣ
Все новыхъ перемѣнъ.

Они счастливѣе, чѣмъ люди,
Герои равны имъ,
Но все они скорбятъ о чудѣ
Всѣмъ существомъ своимъ.

Въ оковахъ жизни подневольной
 Запутанныхъ міровъ,
 Скорбять о вѣчности безбольной
 Непреходящихъ сновъ.

И только Онъ, Кто всѣхъ ихъ видить
 Съ незримой высоты,
 Кто блѣдной травки не обидить,
 Въ Чемъ лонѣ я и ты,—
 Лишь только Онъ, всегда блаженный,
 Ничѣмъ не утомленъ
 И жизнь съ ея игрой мгновенной
 Предъ нимъ скользить, какъ сонъ.

Никѣмъ не понять и незнамъ,
 Онъ любить свѣтъ и тьму,
 И кругъ завѣтный мы свершаемъ,
 Чтобы прийти къ Нему.
 Какъ лучъ отъ солнца, въ жгучемъ зноѣ,
 Сквозь безду мглы скользимъ,
 И вновь—къ Нему, въ святомъ покоѣ,
 И вотъ мы снова—съ Нимъ!

III.

ИНДІЙСКІЙ МОТИВЪ.

Какъ красный цвѣтъ небесь, которыя не красны,
 Какъ разногласье волнъ, что межъ собой согласны,
 Какъ сны, возникшіе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
 Какъ тѣни дымныхъ вокругъ яркаго огня,
 Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышеть,

Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя не слышить,
 Какъ на поверхности потока бѣлизна,
 Какъ лотось въ воздухѣ, ростущій ото дна,
 Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
 Есть сновидѣніе иного сновидѣнья.

IV.

ЖИЗНЬ.

Жизнь—отраженіе лунного лика въ водѣ,
 Сфера, чей центръ—повсюду, окружность—нигдѣ,
 Царственный вымыселъ, пропасть глухая безъ дна,
 Вѣчность мгновенія—мигъ красоты—тишина.

Жизнь—трепетаніе моря подъ властью луны,
 Лотось чуть дышацій, блѣдный любимецъ волны,
 Дымное облако, полное скрытыхъ лучей,
 Сонъ, создаваемый множествомъ, всѣхъ—и ничай.

V.

КАКЪ ПАУКЪ.

Какъ паукъ въ себѣ рождаетъ паутину,
 И, тяжелый, создаетъ воздушность нитей,—
 Какъ художникъ создаетъ свою картину,
 Закрѣпляя мимолетное событий,—

Такъ изъ Вѣчнаго исходить міровое—
 Многосложность и единство бытія.
 Міръ одинъ, но въ этомъ мірѣ вѣчно двое:
 Онъ, Недвижный, Онъ, Нежаждущій—и я.

VI.

ИЗЪ УПАНИШАДЪ.

Все то, что существует во вселенной,—
 Окутано въ воздушную одежду,
 Окружено Создателемъ всего.
 Среди тѣней, въ движениі сплетенныхъ,
 Недвижное есть Существо одно,
 Въ недвижности—быстрый, чѣмъ пламя мысли,
 Надъ чувствами оно царить высоко,
 Хотя они, какъ боги, въ высѣ парять,
 Стремясь достичь того, что непостижно;
 Оно глядитъ на быстрый токъ видѣній,
 Какъ воздухъ—обнимая все кругомъ,
 И жизненную силу разливая.
 Недвижно движетъ всѣмъ; далеко—близко;
 Оно внутри вселенной навсегда.
 И кто проникновеннымъ взоромъ взглянетъ
 На существа какъ дышащія въ немъ,
 И на него какъ Генія Вселенной,
 Тогда, понявъ, что слитна эта ткань,
 Ни на кого не взглянетъ онъ съ презрѣньемъ.

VII.

ИНДІЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

Какъ золотистый плодъ, въ осенний день дозрѣвшій,
 На землю падаетъ, среди стеблей травы,
 Такъ я, какъ бы глухой, слѣпой, и онѣмѣвшій,
 Иду, не поднимая головы.

Одно въ моихъ зрачкахъ, одно въ замкнутомъ слухѣ;
 Какъ бы извяянный, мой духъ навѣкъ затихъ.
 Ни громкій крикъ слона, ни блескъ жужжащей мухи
     Не возмутить недвижныхъ чертъ моихъ.

Сперва я, какъ мудрецъ, бесѣдовалъ съ вѣками,
 Потомъ свой духъ вернуль къ первичной простотѣ,
 Потомъ, молчальникомъ, я пріобщился въ Брамѣ,
     И утонулъ въ бессмертной красотѣ.

Четыре радуги надъ бурною вселенной,
 Четыре степени возвышенныхъ надеждъ,
 Чтобы возсоздать кристаллъ изъ влаги перемѣнной,
     Чтобъ видѣть міръ, не подымая вѣждъ.

VIII.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Тотъ, предъ Кѣмъ, Незримымъ, зrimо
 Все, что въ душахъ у людей,
 Тотъ, предъ Кѣмъ проходятъ мимо
 Блески дымные страстей,—

Кто, Неслышимый, услышить
 Каждый ропотъ бытія,
 Только Тотъ бессмертьемъ дышить,
     Въ нераздѣльно-слитномъ я.

Тотъ, въ чьемъ духѣ вѣчно новы
 Солнце, звѣзды, вѣтеръ, тьма,
 Тотъ, Кому они—покровы
     Для сокрытаго ума,—

Тотъ, Кто близко и далеко,
 Передъ Кѣмъ вся жизнь твоя
 Точно радуга потока,—
 Только Тотъ есть вѣчно—я.

Всѣ закаты, всѣ разсвѣты
 Въ немъ возникли и умрутъ,
 Всѣ сердечныя примѣты
 Тамъ зажглись, блестая—тутъ.

Всѣ лучи въ росѣ горящей
 Повторяютъ тотъ же ликъ,
 Солнца ликъ животворящий,
 Въ солнцѣ каждый лучъ возникъ.

Все, что—здѣсь, проходить мимо,
 Словно тѣнь отъ облаковъ.
 Но очамъ незримымъ—зрима
 Неподвижность вѣчныхъ сновъ.

Онъ живетъ, предъ Кѣмъ проводить
 Этотъ міръ всю роскошь силь,
 Онъ, Единый, не уходитъ,
 Въ часъ захода всѣхъ свѣтиль!

БЕЗВЪТРИЕ.

Entonces huelga el hombre andando
entre las estrellas.

Luis de Granada.

Тогда-то наслаждается человѣкъ,
проходя среди звѣздъ.

Люисъ де Гранада.

Въ тихомъ безвѣтрии
Свѣтлыхъ пространствъ.
Случевскій.

I.

АЛЬБАТРОСЬ.

Надъ пустыней ночною морей альбатросъ одинокій,
 Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
 Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,
 И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ Океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
 Одиноко плыла, одиноко горѣла луна.
 О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и вѣчно свободнымъ!
 Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

II.

СВѢТЛЫЙ ГЕРОИ.

Я слышаль о свѣтломъ Героѣ,
 Свободномъ отъ всякихъ желавій,
 О немъ, перешедшемъ потокъ.
 Въ лучистомъ застылъ онъ покоѣ,
 Покинувъ нашъ міръ восклицаній
 Для славы несозданныхъ строкъ.

Въ разрывахъ глубокой лазури,
 Въ краю отодвинутой дали,
 Съ нимъ тайно колдуетъ Судьба.
 Къ нему не притронутся бури,
 Его не коснутся печали,
 Ему незнакома борьба.

Съ безсмертной загадкой во взорѣ,
 Онъ высится гдѣ-то надъ нами,
 Въ душѣ отразивъ небосводъ.
 Въ высоко-мятущемся морѣ
 Онъ островъ забытый вѣтрами,
 Среди успокоенныхъ водъ.

III.

ПОТУХШЕ ФАКЕЛЫ.

Факелы, тлѣя, чадять,
 Утомленъ наглядѣвшійся взглядъ.
 Дымъ изъ кадильницъ излить,
 Наслажденье, усталое, спить.

О, наконецъ, наконецъ,
 Затуманенъ блестящій дворецъ!
 Мысль, отчего жъ ты не спиши,—
 Вокругъ тебя безнадежная тишина!

Жить, умирать, и любить,
 Безпредѣльную цѣльность дробить,—
 Все это было давно
 И, скользнувъ, опустилось на дно.

Тамъ, въ полумглѣ, въ тишинѣ,
 Гдѣ-то тамъ, на таинственномъ днѣ,
 Новыя краски царять,
 Драгоцѣнныя камни горять.

Ниже, все ниже, все внизъ,
Замолчавшей душой устремись!
Въ смерти намъ радость дана,—
Красота, тишина, глубина!

IV.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЬ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ; онъ уснуль между горъ величавыхъ,
Поражающихъ правильной формой своей.

Это—мысль, заключенная въ стройныхъ октавахъ,
Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвижныхъ лучей,—

Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и ложащихся отблескомъ страннымъ
На долины, что спать у подножія горъ,
Межу кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтлотканныхъ,
Вѣчно-тихихъ, нетронутыхъ тьмой, и ничай не ласкающихъ взоръ.

Эти страшныя горы горятъ неподвижностью вѣчнаго свѣта,
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизненныхъ сновъ.
Это ужасъ мечты, это дума вѣковъ,
Запредѣльная жизнь Красоты, безпощадная ясность Поэта.

V.

БЛѢДНЫИ ВОЗДУХЪ.

Блѣдный воздухъ прохладенъ.
Не желай. Не скорби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби.

Ниже, все ниже, все внизъ,
Замолчавшей душой устремись!
Въ смерти намъ радость дана,—
Красота, тишина, глубина!

IV.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЬ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ; онъ уснуль между горъ величавыхъ,
Поражающихъ правильной формой своей.

Это—мысль, заключенная въ стройныхъ октавахъ,
Эти горы живуть безъ воды, въ полосъ неподвижныхъ лучей,—

Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и ложащихся отблескомъ страннымъ
На долины, что спать у подножія горъ,
Межу кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтлотканныхъ,
Вѣчно-тихихъ, нетронутыхъ тьмой, и ничей не ласкающихъ взоръ.

Эти страшныя горы горять неподвижностью вѣчнаго свѣта,
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизненныхъ сновъ.
Это ужасъ мечты, это дума вѣковъ,
Запредѣльная жизнь Красоты, безпощадная ясность Поэта.

V.

БЛѢДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Блѣдный воздухъ прохладенъ.
Не желай. Не скорби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби.

Даль небесъ безпредѣльна.
О, какъ сладко тому,
Кто, хотя бы безцѣльно,
Весь приникнетъ къ Нему.

Въ небѣ царствуютъ луны.
Какъ спокойно вкругъ нихъ!
Златоцвѣтныя струны
Затаили свой стихъ.

Скоро звѣзды проснутся.
Сочетаись въ узоръ,
Ихъ намеки сплетутся
Въ серебристый соборъ.

Звѣзды—вѣчныя души.
Звѣзды свѣчи зажгли.
Вотъ все глуше и глуше
Темный ропотъ земли!

Нѣть границъ у лазурі.
Слышишь медленный звонъ?
Это прошлые бури
Погружаются въ сонъ.

Тихо въ царствѣ покоя.
Кругъ завѣтный замкнутъ.
Часъ полночнаго боя
Отошедшихъ минутъ!

Воздухъ чистъ и прохладенъ.
Этотъ мигъ не дроби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби!

VI.

НЕМОЛЧНЫЯ ХВАЛЫ.

Можно пѣть немолчныя хвалы,
Говоря всегда одно и то же.
Я люблю провалы горной мглы,
Гдѣ кричать голодные орлы,
Узкій путь, что съ каждымъ мигомъ строже—
Выше, выше мчитъ узоръ скалы.
Но на свѣтѣ мнѣ всего дороже—
Радость вѣчно пѣть Тебѣ хвалы,
Милосердный Боже!

VII.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Камень Иоанна, нѣжный изумрудъ,
Драгоценный камень ангеловъ небесныхъ,—
Передъ тѣми двери Рая отомкнуть,
Кто тебя полюбить въ помыслахъ чудесныхъ,—
Цвѣтъ расцвѣтшой жизни, свѣтлый изумрудъ!

Твердая опора запредѣльныхъ троновъ,
Яшма, талисманъ апостола Петра,—
Храмъ, гдѣ всѣ мы можемъ отдохнуть отъ стоновъ
Въ часъ когда приходитъ трудная пора,—
Яшма, украшенье запредѣльныхъ троновъ!

Камень огневой невѣрнаго Ѹомы,
 Яркій хризолитъ оттѣнка золотого,—
 Ты маякъ сознанья надъ прибоемъ тьмы,
 Чрезъ тебя мы въ Богъ убѣдимся снова,—
 Хризолитъ прекрасный мудраго Ѹомы!

Символы престоловъ, временно забытыхъ,
 Гіацинтъ, агатъ, и дымный аметистъ,—
 Послѣ заблужденій, сердцемъ пережитыхъ,
 Къ небу возвратится тотъ, кто сердцемъ чистъ.—
 Легкій мракъ престоловъ, временно забытыхъ!

Радость высшихъ духовъ, огненный рубинъ,
 Цвѣта красной крови, цвѣта страстной жизни,—
 Между драгоцѣнныхъ камней властелинъ,
 Ты намъ обѣщаешь жизнь въ иной отчизнѣ,—
 Камень высшихъ духовъ, огненный рубинъ!

VIII.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

СОНЕТЪ.

Миѣ все равно: царемъ ли быть могучимъ,
 Иль мудрецомъ, средь отреченныхъ книгъ,
 Иль облакомъ, бѣгущимъ къ дальнимъ тучамъ,
 Чтобъ засвѣтиться молніей на мигъ.

Всему и всѣмъ сочувственный двойникъ,
 Я ввѣсь иду по лабиринтнымъ кручамъ,
 Судьба зоветъ, покой пустынь великъ,
 И стихъ въ душѣ звучить ключомъ гремучимъ.

Туда, туда! За грани вѣчныхъ горъ!
Вершины спять. Лазурь, покой, просторъ.
Властительны невидимыя чары.

Въ предсмертной мглѣ дрожитъ одна звѣзда,
Надъ дольней тьмой, гдѣ дымные пожары.
Вершины спять. Скорѣй! Туда, туда!

IX.

ВЕРШИНЫ.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ.

Вершины бѣлыхъ горъ
Подъ краснымъ солнцемъ свѣтять.
Спроси вершины горъ,
Они тебѣ отвѣтять.

Расскажутъ въ тихій часъ
Багрянаго заката,
Что нѣть любви для нась,
Что къ счастью нѣть возврата.

Чѣмъ дальше ты идешь,
Тѣмъ глубже тайный холодъ.
Все—истина, все—ложь,
Блаженъ лишь тотъ, кто молодъ.

Намъ скupo свѣтить день,
А ты такъ жаждешь свѣта.
Мечтой свой духъ одѣнь,
Въ иномъ не жди привѣта.

Чѣмъ выше надъ землей,
Тѣмъ легче хлопья снѣга,
Съ прозрачной полумглой
Слилась нѣмая нѣга.

Въ прозрачной полумглѣ
Ни мрака нѣть, ни свѣта.
Ты плакалъ на землѣ,
Когда-то, съ кѣмъ-то, гдѣ-то.

Пойми, одинъ теперь:
Нѣть ярче откровенья,
Какъ въ сумракѣ потерь
Забвеніе мгновенія.

Мгновеніе красоты
Бездонно по значенію,
Въ немъ высшее, чѣмъ ты.
Служи пред назначенію!

Взойди на высоту,
Побудь какъ лучъ заката,
Уйди за ту черту,
Откуда нѣть возврата!

Х.

МОСТЬ.

Между Временемъ и Вѣчностью,
Какъ надъ брызнувшей водой,
Къ намъ заброшенъ безконечностью
Мостъ воздушно-золотой,—

Разноцвѣтностью играющій,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любить Бога своего,—

Кто, забывъ свое порочное,
Побѣдилъ громаду золь,
И, какъ радуга непрочная,
Возсіялъ—и отошелъ.

XI.

БѢЛАЯ СТРАНА.

Я—въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта,
Предо мной—прямая долгая дорога.
Ни души—въ просторахъ призрачнаго свѣта,
Не съ кѣмъ говорить здѣсь, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

Все, что было въ жизни, снова улыбнется,
Только для другого,—иѣть, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснется,
Въ сердцѣ у меня ни ночи иѣть, ни дня.

Но еще влачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянется дорога.
Я одинъ въ просторахъ, гдѣ умолкло время,
Не съ кѣмъ говорить мнѣ, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

СМЕРТИО—СМЕРТЬ.

Procul recedant somnia
Et noctium phantasma...
S. Ambrosius.

Прочь да отступятъ видѣнія
И привидѣнія ночей!
Св. Амвросій.

СМЕРТИЮ — СМЕРТЬ

I had a dream...
Lord Byron.

Я видѣлъ сонъ, не все въ немъ было сномъ,
Воскликнулъ Байронъ въ черное мгновенье.
Зажженный тѣмъ же сумрачнымъ огнемъ,
Я разскажу, по силѣ разумѣнья,
Свой сонъ,—онъ тоже не былъ только сномъ.

И васть прося о милости вниманья,
Незримые союзники мои,
Лишь вамъ я отдаю завоеванье,
Исполненное мудростью Змѣи.
Но слушайте мое повѣствованье.

Мнѣ грезилась безмѣрная страна,
Которая была когда-то Раемъ;
Она судьбой намъ всѣмъ была дана,
Мы всѣ ее, хотя отчасти, знаемъ,
Но та страна проклятью предана.

Ея концы, незримые вначалѣ,
Какъ стѣны обозначилися мнѣ,
И видѣлъ я, какъ, полныя печали,
Дрожанья звѣздъ въ небесной вышинѣ,
Свой смыслъ понявъ, навѣки отзывали.

И новое предстало предо мной.
 Небесный сводъ, какъ потолокъ, сталъ низкимъ;
 Украшенный игрушечной Луной,
 Онъ сдѣлался до отвращенья близкимъ,
 И точно очертился кругъ земной.

Надъ этой ямой, вогнутой и грязной,
 Тѣ сонмы звѣздъ, что я всегда любилъ,
 Дымилися, въ игрѣ однообразной,
 Какъ огоньки, что бродятъ межъ могиль,
 Какъ хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосѣ,
 Что не была достаточно далекой,
 Толпились дѣти, юноши — и всѣ
 Толкались на мѣстѣ въ горести глубокой,
 Томилися, какъ бѣлка въ колесѣ.

Но міръ Земли и сочетаній звѣздныхъ,
 Съ роскошествомъ дымящихся огней,
 Достойнымъ балагановъ затрапезныхъ,
 Все дѣлался угрюмый и тѣснѣй,
 Бросая тѣнь отъ стѣнъ до стѣнъ желѣзныхъ.

Стѣснилося дыханіе у всѣхъ,
 Но многіе еще просвѣта ждали
 И, стоя въ склепѣ дѣдовскихъ утѣхъ,
 Другъ друга въ чадномъ дымѣ не видали,
 И съ усть иныхъ срывался дикий смѣхъ.

Но, наконецъ, всѣмъ въ Мирѣ стало ясно,
 Что замкнуть Миръ, что онъ извѣстенъ весь,
 Что какъ желать не быть собой — напрасно,

И новое предстало предо мной.
 Небесный сводъ, какъ потолокъ, сталъ низкимъ;
 Украшенный игрушечной Луной,
 Онъ сдѣлался до отвращенья близкимъ,
 И точно очертился кругъ земной.

Надъ этой ямой, вогнутой и грязной,
 Тѣ сонмы звѣздъ, что я всегда любилъ,
 Дымилися, въ игрѣ однообразной,
 Какъ огоньки, что бродятъ межъ могиль,
 Какъ хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосѣ,
 Что не была достаточно далекой,
 Толпились дѣти, юноши — и всѣ
 Толкались на мѣстѣ въ горести глубокой,
 Томилися, какъ бѣлка въ колесѣ.

Но міръ Земли и сочетаній звѣздныхъ,
 Съ роскошествомъ дымящихся огней,
 Достойнымъ балагановъ затрапезныхъ,
 Все дѣлался угрюмый и тѣснѣй,
 Бросая тѣнь отъ стѣнъ до стѣнъ желѣзныхъ.

Стѣснилося дыханіе у всѣхъ,
 Но многіе еще просвѣта ждали
 И, стоя въ склепѣ дѣдовскихъ утѣхъ,
 Другъ друга въ чадномъ дымѣ не видали,
 И съ усть иныхъ срывался дикий смѣхъ.

Но, наконецъ, всѣмъ въ Мірѣ стало ясно,
 Что замкнуть Міръ, что онъ извѣстенъ весь,
 Что какъ желать не быть собой — напрасно,

Такъ наше Тамъ — всегда и всюду Здѣсь,
И Небо надъ самимъ собой не властно.

Я слышалъ вопли: „Кто поможетъ? Кто?“
Но кто же могъ быть сильнымъ между нами!
Повторный крикъ звучалъ: „Не то! Не то!“
Ничто смѣялось, скавшись, за стѣнами, —
Все сморщенное страшное Ничто!

И вотъ ужъ стѣны сдвинулись такъ тѣсно,
Что груда этихъ стиснутыхъ рабовъ
Въ чудовище одно слилась чудесно,
Съ безумнымъ сонномъ ликовъ и головъ,
Одно въ своемъ различи повсемѣстно.

Измученъ въ подневольной тѣснотѣ,
Съ чудовищной Змѣю липко скованъ,
Дрожа отъ омерзенія къ духотѣ,
Я чувствовалъ, что умъ мой заколдованъ,
Что нѣть конца уродливой мечтѣ.

Вдругъ, въ ужасѣ, незнаемомъ дотолѣ,
Я превратился въ главный ликъ Змѣи,
И Миръ — былъ мой, я — у себя въ неволѣ.
О, слушайте, союзники мои,
Что сдѣлалъ я въ невыразимой боли!

Все было сѣрно-изсиня-желто.
Я развернулъ мерцающія звенья,
И, Миръ порвавъ, самъ вспыхнулъ, — но за то,
Горя и задыхаясь отъ мученья,
Я умертвилъ ужасное Ничто.

Какъ сонный мракъ предъ властію разсвѣта,
 Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
 Вселенная, безсмертіемъ одѣта,
 Раздвинулась до самыхъ береговъ,
 И смыла ихъ—и дальше—въ море Свѣта.

Вновь манить Міръ безвѣстной глубиной,
 Нѣть больше стѣнъ, нѣть сказки жалко-скудной.
 И я не Змѣй, уродливо-больной,
 Я—Люциферъ небесно-изумрудный,
 Въ Безбрежности, освобожденной мной.

Какъ сонный мракъ предъ властю разсвѣта,
 Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
 Вселенная, безсмертіемъ одѣта,
 Раздвинулась до самыхъ береговъ,
 И смыла ихъ—и дальше—въ море Свѣта.

Вновь манить Миръ безвѣстной глубиной,
 Нѣть больше стѣнъ, нѣть сказки жалко-скудной.
 И я не Змѣй, уродливо-больной,
 Я—Люциферъ небесно-изумрудный,
 Въ Безбрежности, освобожденной мной.

Какъ сонный мракъ предъ властю разсвѣта,
Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
Вселенная, бессмертіемъ одѣта,
Раздвинулась до самыхъ береговъ,
И смыла ихъ—и дальше—въ море Свѣта.

Вновь манить Миръ безвѣстной глубиной,
Нѣть больше стѣнъ, нѣть сказки жалко-скудной.
И я не Змѣй, уродливо-больной,
Я—Люциферъ небесно-изумрудный,
Въ Безбрежности, освобожденной мной.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Посвящение	IV
Предисловие	1
1. Крикъ часоваго.	
Крикъ часоваго	9
2. Отсвѣты зарева.	
Кинжалныя слова	13
Полночь и свѣтъ	13
Слово завѣта	14
Морской разбойникъ	15
Какъ испанецъ	16
Красный цвѣтъ	17
Я сбросилъ ее	18
Скинемъ	19
Въ глухіе дни	20
Опричники	21
Смерть Димитрія Краснаго	22
Скорпіонъ. Сонетъ	24
Я люблю далекій слѣдъ	25
3. Ангелы опальные.	
Ангелы опальные	29
Слова любви	30
Хлопья тумана	30
Опять	31
Среди камней	32
Белладонна	33
Я буду ждать	34

Нѣжнѣе всего	Стр. 35
Волна	36
Осень	36
Отцвѣли	37
Замокъ Джэнъ Вальморъ. <i>Баллада</i>	38
Чары мѣсяца. <i>Медленные строки</i>	42
Можно жить съ закрытыми глазами	46
4. Совѣсть.	
Сумрачныя области	49
Подъ ярмомъ	50
Лѣсной пожарь	50
Разсвѣть. <i>Медленные строки</i>	54
Дымъ	56
И плыли они.	57
Скрижали	58
На мотивъ изъ Зендъ-Авесты	59
Конецъ міра. <i>Сонетъ</i>	60
Въ аду	61
5. Страна неволи.	
Страна неволи.	65
Въ душахъ есть все	66
Стучи, тебѣ откроютъ	69
Въ тюрьмѣ.	69
Избранный.	70
Раненый.	71
Проклятие глупости. <i>Сонетъ</i>	72
Уроды. <i>Сонетъ</i>	72
Бабочка.	73
Заколдованная дѣва.	74
Сквозь міръ случайностей	75
6. Возлѣ дыма и огня.	
Кузнецъ	79
Выше, выше.	79
Моя душа	80
Духъ волны	81
Вѣнчаніе.	82

	Стр.
Во власти всѣхъ вещей	84
Бретань. <i>Сонетъ</i>	84
Утопленники. <i>Сонетъ</i>	85
Проповѣдникамъ. <i>Сонетъ</i>	86
Хвала сонету. <i>Сонетъ</i>	87
Я не изъ тѣхъ. <i>Сонетъ</i>	87
Ожесточенному	88
Въ башнѣ	89
Къ дальнему	90
Отъ умершаго къ живому	92
Островъ Виліэ-Льявола.	92
Послѣ бала	94
Разлука. <i>Сонетъ</i>	95
Молитва о жертвѣ	96

7. Мимолетное.

Лѣсныя травы.	101
Блѣдная травка	101
Ароматъ солнца	102
Глушь	103
Затонъ.	104
Послѣдній лучъ	105
Закатные цвѣты	105
Равнина	106
Молебень.	106
Въ окрестностяхъ Одессы.	107
Вечеръ въ Амстердамѣ. <i>Медленныя строки</i>	108
Исландія.	109

8. Антифоны.

Намъ нравятся поэты	113
Къ Гермесу Трисмегисту	113
Къ Бодлэру	114
Къ Лермонтову.	115
Гипербореи.	116
Страна исседоновъ	117
Избраннику	118
Мой другъ, есть радость и любовь	119
Изъ Зендъ-Авесты. <i>Гимнъ</i>	119

	Стр.
Оттуда.	120
Луна.	121
Тучи.	122
Я въ глазахъ у себя затаилъ.	123
 9. Прогалины.	
Путь правды. <i>Сонетъ</i>	127
Папоротникъ.	129
Пробужденіе. <i>Сонетъ</i>	130
И Да и Нѣтъ.	130
Четь и нечетъ. <i>Медленные строки</i>	135
 10. Индійскія травы.	
Майя.	141
Круговоротъ	142
Индійскій мотивъ.	143
Жизнь	144
Какъ паукъ	144
Изъ Упанишадъ.	145
Индійскій мудрецъ.	145
Молитва вечерня	146
 11. Безвѣтrie.	
Альбатросъ	151
Свѣтлый герой.	151
Потухшіе факелы.	152
Южный полюс Луны	153
Блѣдный воздухъ.	153
Немолчныя хвалы	155
Драгоцѣнныя камни	155
Предвѣщаніе. <i>Сонетъ</i>	156
Вершины. <i>Медленные строки</i>	157
Мостъ	158
Бѣлая страна	159
 12. Смертю—смерть.	
Смертю—смерть	163